

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Любовь Данилова

БЕЛИКИЙ УСТЬЮГ

Родина Деда Мороза

Едет дорога в Сказку

Вы готовы отправиться в самую настоящую, самую зимнюю сказку нашей страны? Не только готовы, но и ждете начала путешествия с нетерпением? Тогда давайте вместе вспомним, где живет главный зимний волшебник России — Дед Мороз! Все знают, или кому-то до сих пор неизвестно?

Верно! В граде Устюге Великом. Если от Москвы, то ваш путь на северо-восток лежит. Взгляните сначала на карту. Находится Великий Устюг в Вологодской области.

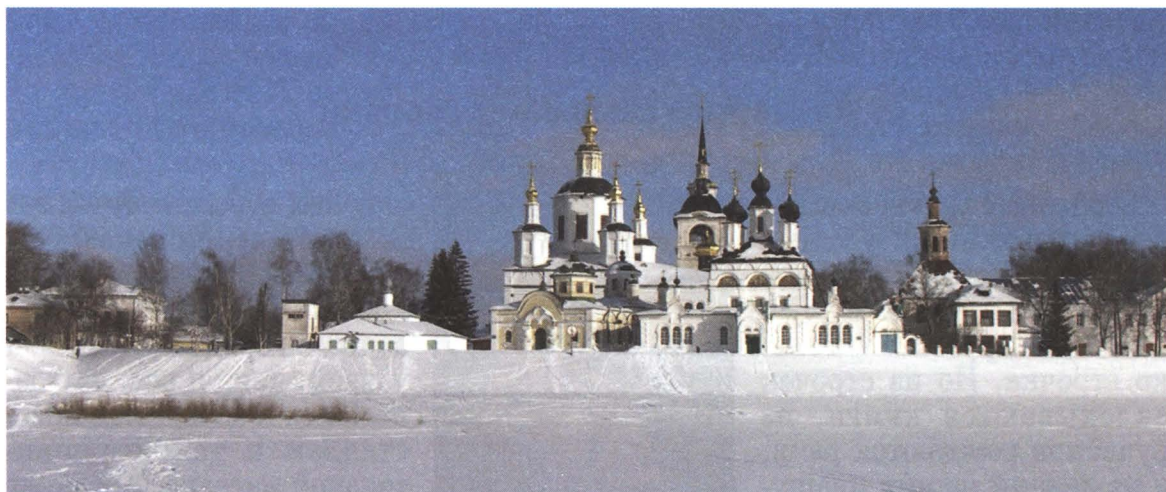
Можете в дороге по спутниковому навигатору сверяться, можете — по компасу, а лучше всего с собой волшебный клубок прихватить — уж точно не заблудитесь! Нет его? Не печальтесь! Указателей на дорогах столько, что только читать успевай, и все правильные! На перекрестках написано, и что налево, и что направо лежит, и куда прямоезжая дорога ведет. Все интересно, нигде не страшно, но главное — посматривайте, где написано «К Деду Морозу».

Российский Дед Мороз знаменит во всем мире. Проект «Великий Устюг — родина Деда Мороза» является межрегиональным и реализуется совместно Правительствами Москвы и Вологодской области.

Катится клубок, стелется дорога в Сказку: кому-то — асфальтом бесконечно-сизым, как перо голубиное, кому-то — небесными просторами с белыми облачными башенками по лазурным обочинам... А если долгий да самый интересный путь выберете — то это поездом! Железная дорога здесь — что к Сказке предисловие. Листаются в окнах вагона страницы мира неизвестного, манящего. Открывается он не сразу, не вдруг, а лишь когда начнешь чувствовать: наши русские версты — немерянные, леса северные — нескитанные, реки степенные — неиссякаемые, в небе солнце летнее — незакатное, зимою звезды — негаснущие.

Если же вдруг покажется, что удивляться нечему, что одно и то же всюду, взгляните-ка на наши просторы глазами европейца. Вот едет он в Великий Устюг и считает русские версты на свой европейский манер: «Давно бы уж Голландию да и всю Бельгию к ней в придачу от края до края проехал, а Вологодской области все конца нет!» Думаете, при этом не удивляется? Еще как изумляется! Да и сами вологжане раньше как говорили? «Версты у нас баба клюкой меряла, да где-то клюку и потеряла...»

Зимняя Сухона. Вид на Соборное дворище

Гордость Вологодчины — не только ширь ее безбрежная, но и зелень лесов изумрудная, великолепие разнотравья, рек просторы бирюзовые, и озер оконца светлые, бездонные. По-северному сурова, но величава и прекрасна природа Вологодского края. Недаром известный писатель XIX века Павел Засодимский, родившийся в Великом Устюге, с восторгом и гордостью говорил о родных для него местах: «Люблю я север, люблю широкие, быстрые реки, его дремучие леса, его зимы...»

Вологодская область — край «зеленого золота». Именно так называют леса, ковром застилающие вологодские холмы и равнины, долины рек и озер. Ступеньками поднимаются к небу и тают в дымке у горизонта необозримые ельники и сосновые боры, березняки и осинники. Щедра природная кладовая, которая дарит людям грибы и ягоды, красоту северных цветов и пение птиц среди немолчного шепота листьев и трав. Отчего в вологодских борах у городского человека поначалу так кружится голова, а щеки заливают яркий румянец? Так ведь здесь сам воздух, как наши предки говаривали, «по рублю за фунт» — настолько он целебен и свеж!

Реки и озера дарят прохладные ветра и убеленные сединой туманы, цветущие желтыми резными чашами кубышки и рыбы всплески в тихих заводях. Говорливые речные перекаты предлагают отправиться в путешествие, манят в зелено-голубые дали.

С юго-запада на северо-восток голубой линией на карте пересекает область Сухона — крупнейшая река Вологодчины, берущая начало в Кубенском озере.

То под сенью вековых боров, то среди широких луговых просторов, то зажатая в теснины крутых обрывистых берегов, величаво несет она вдаль свои воды, настоянные на медвяных цветах и травах. Играя водоворотами у песчаных пляжей, звонко перебирая на перекатах камешки, а потом, почувствовав простор да впитав в себя прохладные струи звонких ручейков и лесных речек, стремится ей навстречу речка Юг.

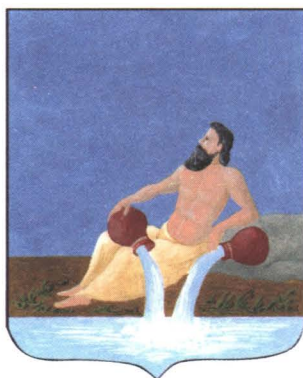
И все это для того, чтобы в момент встречи двух северных рек из утреннего туманного марева вырос белокаменный город, а солнце, наигравшись водными брызгами, посеребрив зеркало речной глади, сначала окрасило набережную торжественно и радостно в розовый цвет, а затем, устремляясь ввысь, вызолотило купола града Великого Устюга!

БЕЛИКИЙ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

Как города становятся героями

Бесценные тайны скрыты в истории великих и малых городов России. О многих из них нет ни слова в учебниках, о других — только строчка. Но из строчек складываются книги, из ручейков рождаются реки, а из деяний наших пращуров когда-то рождалась сама страна... Ради нее россияне были готовы на подвиги и становились героями.

Есть среди героев не только люди, но и города. И оказывается, они иногда получают награды! Один из таких городов — Великий Устюг. Слово *Великий* в его названии — как раз и есть такая награда. Это почетное звание Устюг получил во времена Ивана Грозного. Какой подвиг должен был совершить город, чтобы в одночасье стать *Великим* и сохранить этот титул в своем названии навсегда?! Сразу скажем, подвиг Устюга — это не просто один отчаянно смелый, достойный поступок во имя Родины. Это упорный, самоотверженный труд жителей, их стойкость и терпение, отвага и мужество при защите рос-

Герб Великого Устюга

сийских рубежей. И все это на протяжении веков!

Составим вместе послужной список этого города-воина и города-труженика, узнаем, как он рос, чем занимался и за что был представлен к такой удивительной награде. Когда же и где он родился, и кто его родители?

Возник город на перекрестке речных путей — там, где река Юг впадает в Сухону и вместе они образуют Северную Двину, до слияния с Вычегдой именуемую Малой. Своим рождением обязан Устюг тем отчаянно смелым русским людям, которые отважились прийти из Ростово-Суздальского княжества на эту казавшуюся краем света северную землю, населенную угро-финскими племенами. Над именем города родителям голову ло-

К. Чуйков
Великий Устюг

мать не пришлось, оно родилось само собой. Город в устье Юга — конечно же, Усть-Юг! А потом привыкли и стали звать проще — Устюг.

Изображены реки и на гербе города: задумчивый и бесстрастный Водолей держит в руках два червленых кувшина, опрокинув их навстречу друг другу. Льются из этих бездонных источников, не пересыхая, серебря-

ные струи Сухоны и Юга, образуют единый прохладный и мощный поток — Северную Двину.

А вот точной даты рождения города мы не знаем. И это не удивительно, ведь с тех пор минуло более восьми веков! Скорее всего, Устюг — ровесник Москвы и Вологды, и поэтому горожане считают началом его биографии 1147 год.

Два брата

Был у Устюга старший брат — Гледен. Два города-брата, расположенные на разных берегах Сухоны, всегда могли видеть и слышать друг друга. Гледен стоял на высоком мысу у самого слияния Юга с Сухоней. Устюг сначала неспешно, а потом все быстрее и быстрее, радуя старшего, рос напротив — в излучине левого берега Сухоны. Надо сказать, приходилось иногда братьям очень тяжело, бывало им и страшно, и одиноко. Полтысячи километров непроходимой таежной глухомани отделяли их от других городов! А севернее

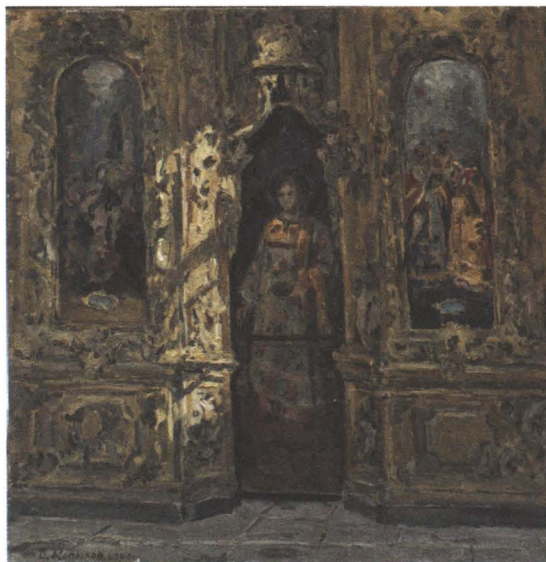
Устюга с Гледеном не было тогда ни единого города не только на Руси, но и во всей Евразии! Случится беда — помощи попросить не у кого! Пожары летом, лютые морозы зимой, ранний снег, поздние заморозки, дожди и град, под которыми гибли посевы. В неурожайные, голодные и холодные годы ели устюжане сосновую и пихтовую кору пополам с травой...

Но мужественно стояли долгие века два города-пограничника неусыпными, бдительными стражами у речных ворот северо-восточных рубежей русской земли. Возрождались они после кровопролитных набегов камских булгар, давали отпор казанским татарам и черемисам. У ростово-суздальских, а затем и у московских князей были только эти два города-крепости на севере Руси. Но благодаря отваге их жителей новгородцам и вятчанам приходилось считаться с мощью и властью княжеств, которые стремились объединить все русские земли.

Река Сухона

Гледен же, как и положено старшему брату, всегда старался защитить младшего. Был он к XV веку уже так измучен многочисленными осадами, изранен в бесчисленных битвах, что слабел день ото дня, но все равно держался. Во время одной из последних осад девять недель жители Гледена отбивали почти ежедневные приступы. Но все-таки однажды настал для устюжан черный день: погиб старший брат Устюга — Гледен, полностью сожженный и разрушенный неприятелем. Но как возмужал к тому времени младший! И больше не боялся старший оставить его одного. Ведь даже в XIII веке Устюг уже

В. Копылов
В Гледенском монастыре

мог за себя постоять! Не ведали устюжане страха перед монголо-татарами, не кланялись ханским баскакам: «Золотая Орда далеко, сходи, пожалуйста!» Хранят летописи предание о том, как в 1262 году испугался гнева устюжан сбор-

щик дани Багуй и, спасая свою жизнь, принял православную веру, а затем на Соколей горе в окрестностях Устюга выстроил храм Иоанна Предтечи. Пройдет несколько десятилетий, и будут отважно сражаться устюжские полки на Куликовом поле. Им ли бояться татар, страх которых они уже видели?!

В память о погибшем Гледене устюжане заново отстроили Троице-Гледенский монастырь — один из древнейших на Русском Севере. Любовь и уважение к старшему брату, гордость и печаль и ныне чувствуются в убранстве Троицкого собора, в торжественном великолепии его украшений. Раскинулась ныне под стенами монастыря деревня Морозовица, живут в ней потомки отважных защитников Гледена, а еще, говорят, отсюда же родом и Дед Мороз.

Троице-Гледенский монастырь

Раздвигая границы

Не остался Устюг без поддержки после гибели Гледена. На помощь ему пришла Москва. По повелению московских князей в XV веке в Устюге спешно строился «большой острог» с деревянной крепостной стеной, глубоким ровом и четырнадцатью башнями. Его массивные сооружения с трехъярусными бойницами наводили страх на противника. На самом опасном краю большого острога вырастает и малый — еще более неприступный, сразу же получивший название Городища. И ныне его с трех сторон окружает вода... Здесь находились зеленые (пороховые) дворы, склады оружия и амбары с запасами продовольствия на случай осадного времени.

Теперь устюжские воины, отправляясь в дальние походы, были спокойны за своих близких: их семьи находились хотя и в тесноте, но в безопасности. Деревянные, но надежные крепостные стены хранили покой Соборного дворища и торгового посада. «Но как построить такой острог, в котором не

Новгородская торговля. XVIII век

будет тесно?!» — нет, нет да и задумывались устюжане. Решение нашлось, хотя и могло казаться невыполнимым: «Зачем строить крепость, когда лучше просто раздвинуть границы государства!»

С тех пор битв и походов в жизни устюжан было не счесть. Помнит о них Великая Пермь и Вятка, Казань и даже далекая Югра на сибирской реке Оби... Московские князья высоко

ценили заслуги устюжских полков. Там, где прошли эти воины, власть Москвы становилась непререкаемой.

Вот так, не только строительством острога обезопасили устюжане свой

Сторожевая башня Троице-Гледенского монастыря

Дом купца Григория Васильевича Усова, построенный в конце XVIII века. Ныне это основное здание Великоустюжского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

город: границы государства раздвинулись, и стал Устюг к XVI веку уже не пограничной крепостью, а крупнейшим торговым центром всего Русского Севера. А когда в 1553 году в устье Северной Двины занесло бурей английский корабль, Устюг в одночасье оказался в ключевом пункте международных речных дорог, или, как говорили иноземцы, «великого водного пути Московии». Русское государство, тогда еще не имевшее выхода к Балтике, получило возможность торговать с заграницей через Белое море. Сначала зимний санный путь от Москвы до Вологды, а затем с весенними водами по Сухоне через Великий Устюг в Северную Двину.

Через Устюг пролегали и речные пути в Сибирь. Это и самый древний, северный — по рекам Сухоне и Вычегде на Печору, а дальше через Камень, как называли тогда Уральские горы. И более удобный Верхнекамский путь — от Устюга по рекам Югу и Лузе на Каму. Он был открыт устюжанами позднее.

Каким многоликим, шумным и разноречивым был Устюг в те годы! По его улицам прогуливались персидские, армянские и греческие купцы в нарядах из невиданных восточных тканей. Любопытные горожане высыпали на набережную посмотреть на прибытие чопорных английских и голландских посланников, следующих в Москву из Архангельска. В их честь палили из пушек, трубили в трубы, били в литавры. Как-то глубокой осенью 1675 года, когда в Устюге проживал посол Нидерландов, на скованной льдом Сухоне была устроена огненная потеха — фейерверк!

Дважды встречали горожане и царя Петра. С уважением относился великий государь к величию древнего Устюга: делал остановку в пути, встречался с именитыми устюжанами, посещал Успенский собор.

Великим и уважаемым может быть даже маленький город, если у него славная история.

СИВЕРКО

Старшие и не заметили, когда подрасти успел самый юный из всех ветров. «Сиверко! Сиверко!» — иногда качали они головами, осуждая его мальчишечий задор. «Сиверко! Так то же Сиверко!» — снисходительно посмеивался в бороду Дед Мороз и отмахивался, выслушивая их рассказы о проказах юного ветерка.

Было у Сиверка много любопытства и цепкая память. Он дружил со сквозняками, а зимой краснел и смущался, когда Поземка бежала с ним рядом и заглядывала в его ветреные глаза. Самый знаменитый сквозняк Великого Устюга — тот, который живет в колокольне Успенского собора, — любил рассказывать Сиверку всякие немыслимые истории.

Какие-то он разузнал сам, какие-то случайно услышал от хулиганистых ветродуев, завывавших на ночной улице, а бывало, что и от заморских ветров, которые нет-нет да и прибывали в город в многочисленной свите иноземных послов. Сиверко любил слушать, ведь с его — только тысячетным! — жизненным опытом до сих пор многое казалось удивительным.

Еще Сиверку нравилось плутать в узких переходах колокольни... Вот и сегодня, пока не надоело, он прыгал по каменным ступенькам лестницы, выглядывал в оставленные в каменной кладке сквозные щели-окна. Он любил колокольню, да и кому из них, ветров, здесь могло не понравиться? Вот ведь какие были вре-

мена! Тогда камешки очень уважительно относились и к сквознякам, и к ветрам, ко всем тем, кто любит простор, головокружительную высоту и скорость! Здесь было где погулять! А потом вырваться наверх — на просторную площадку звонницы, и, насколько хватит сил, уцепившись за язык колокола, раскачивать его, раскачивать! Но все напрасно — у юного ветерка не так много сил, и колокол молчит, а вот в песне сквозняка слышится Сиверку история города, улицы которого, как ли-

М. Абакумов
Северный ветер

нии на карте, четко прочерчены там, внизу, под колокольней. Иногда их скрывают зеленые кроны деревьев, разноцветье крыш — красноватых, серых и даже совсем замшелых, темно-зеленых, сквозь которые начали прорастать тоненькие березки. Но зато ничто не может заслонить Сиверку золота куполов, белизны храмов, в бесчисленном множестве вписанных в живую карту города.

Именно отсюда — с колокольни — любит ветерок отправляться в полет над городом: пронестись узким коридором между могучими стенами Успенского, Иоанновского и Прокопьевского соборов, бережно коснуться ликов на старинных фресках, ласково погладить древние камни, а затем, вырвавшись на речной простор, лететь и лететь вдоль набережной, над точеными главами храмов, над ровным строем старинных купеческих особняков...

Колокольня Успенского собора

А глянешь на реку — захватит дух! В Сухоне, как в громадном зеркале, отражаются и стройные силуэты церквей, и скругленные, белопенные башни плывущих над ними облаков, а вот, кажется, промелькнул и он сам — Сиверко! Под дыханием беспокойного ветра картина на мгновение рушится, идет по воде рябь, но потом снова в речных глубинах рождается образ, все ярче и ярче проступая на водной глади...

И вот уже взмывает Сиверко над храмом Николы Гостиного, выше его колокольни, в нетерпении заглядывает дальше — туда, где за тополями прячется от северного ветра изящное творение зодчих XVII века — Вознесенская церковь. Щекотно Сиверку касаться ее затейливого узорочья, но любопытство и удивление каждый раз манит его еще и еще посмотреть на удивительные кружева, не сплетенные, не связанные, а вырезанные руками мастера из белого камня, составленные из кирпичей и цветных изразцов. Видел ветерок, как они делаются: наметит художник рисунок, нанесет глазурь на глиняную плитку, обожжет в печи, и зазвучат цвета на изразце, как звонкие песни! А кокошников сколько у церковки! Полукруглые, чуть-чуть заостренные посередине, венчают они храм. Кто-то придумал их так назвать? Наверно, представил милую сердцу красавицу в высоком кокошнике — головном уборе, расшитом серебром да жемчугом.

Говорят, что в Москве у этой церковки есть не одна сестрица, и только ветра могут передать приветы от устюжаночки и церкви Рождества Богородицы в Путинках, и церкви Троицы в Никитниках. А потом, вернувшись, они обычно долго дивятся, сравнивая: «Ведь как хороша эта

северная, как мила, как изысканны ее наряды, ничуть не уступают они столичным!»

Сиверко помнит, как посреди шумной торговой площади строилась церковь Вознесения «старанием и казною» богатейшего устюжского купца Никифора Ревякина, и как с восхищением смотрели на рождение чуда горожане, почтительно кланяясь зодчим и мастерам-каменотесам. Пожары не щадили хрупкую красоту деревянного Устюга, а вот то, что возводилось в камне, — устюжане знали — переживет века! Был доволен и Никифор Ревякин, но мечтал уже о другом, о чем не сразу и вслух вымолвил. Прошло совсем немного лет, и возвели в Устюге строгий и величественный собор Михайло-Архангельского монастыря.

Так уж было: тратили деньги устюжские купцы не только на постройку хором, украшение усадеб, но, прежде всего заботясь о спасении души, возводили они православные храмы, многие из которых удивительно похожи на корабли... В далеких опасных странствиях — в глухой тайге и на стремнинах северных рек, над бездонными пучинами морей и на безбрежных просторах океанов — мечтали купцы о тихой пристани, о родном городе, просили святых заступников позволить им однажды увидеть любимых и близких, и неслись корабли по волнам, день за днем приближая странников к далекому дому, к родному причалу.

С тех пор век за веком плывут над зеленью скверов и парков, над крышами домов Великого Устюга, над простором Сухоны многопалубные сказочные корабли-храмы, а ветер надувает их паруса.

Но пора и возвращаться. Сиверко вздыхает, и по городу как-то ра-

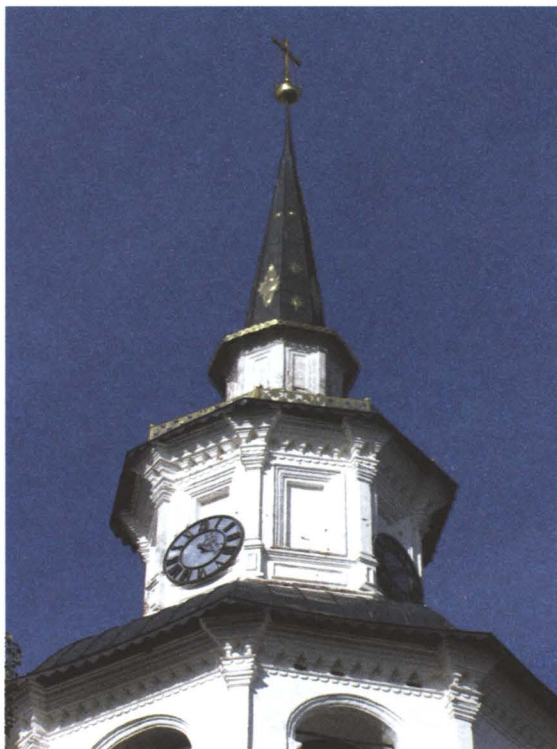

Церковь Вознесения

зом разливается вечерняя прохлада, и чуть заметно вдоль реки, над самой водой, стараясь казаться незамеченным, к Соборному дворищу медленно подкрадывается зябкий туман...

Ветра любили играть в прятки. Если Сквознячище был внимателен и не отвлекался по пустякам, то обычно он перехватывал Сиверка на первой же ступеньке крутой каменной лестницы, ведущей на звонницу. Но в этот раз Сиверко торжествовал! Он пришел незамеченным и уже вовсю веселился наверху, даже добрался до циферблата старинных, давно замолчавших часов. Он интересовался часовыми механизмами и хотел на досуге заняться их починкой. Но Сквознячище, кажется, был не очень доволен этой идеей.

— Часы будут бить и станут достопримечательностью. А я тут один — знаменитый — и не хочу ни с кем делиться. Вот, например, сегодня

Часы на колокольне Успенского собора

— Сейчас, только минуточку! — Сквознячище ринулся куда-то вверх, над головой загудел потолочный настил, зашипел часовой механизм, как будто часы готовились пойти прямо сейчас или просто сердились, что их беспокоят на отдыхе. Э, вот почему он не допускает сюда часовщиков! У него тут архив! А что, очень даже неплохо, и не слишком дует — это для рукописей вредно.

Сквознячище звонко чихал вверх, да так, что на Сиверка с потолка посыпалась пыль и какая-то мелкая труха, а потом послышалось ворчание:

— Здесь стало тесно для столь богатого архива! И куда же я ее сунул? А вот! — перед самым носом у северного ветра помахал Сквознячище толстой амбарной книгой в потемневшем и изрядно замусоленном кожаном переплете.

— Какая старина! — восхищенно воскликнул Сиверко, от чего Сквознячище несколько смутился, а потом признался сконфуженно:

— Ну ладно, не буду заливать и задувать тоже. Если честно, это написано в XVII веке. Сам понимаешь, при моей ветрености и неаккуратности очень сложно хранить рукописи. Так и летят! Вот я и переписывал их время от времени. Времени-то у меня много, и все свободное! Что-то по памяти, что-то у других списывал... Вот-вот, послушай, сегодня как раз

у меня брали интервью. Интересовались моим дневником наблюдений за 1398 год!

— Неужели ты хранишь?

— Конечно! Мой дневник в целости, он уцелел в пожарах и даже почти не растрепался.

— Покажешь?

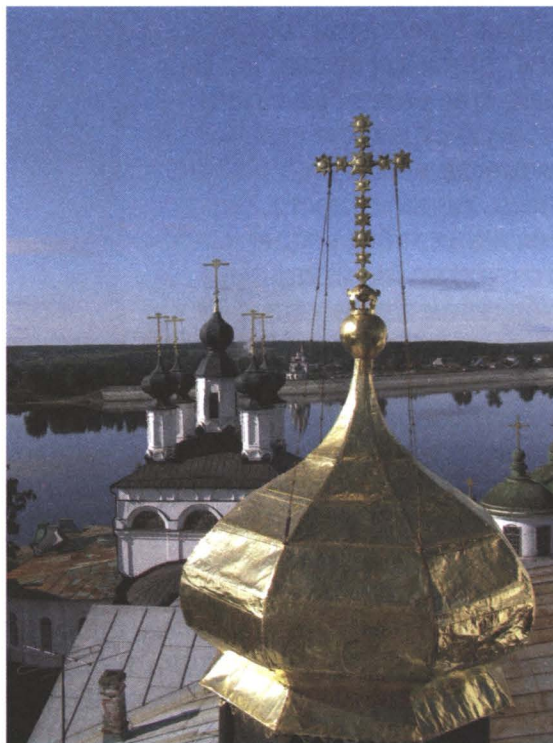

Юные устюжанки готовятся встречать Деда Мороза из летнего путешествия по просторам Сухоны

об этом спрашивали... — и Сквознячище вдруг затих, а затем, посерьезнев, начал читать размеренно и заунывно. Именно так, он полагал, выпевали свои сказания былинные ветра:

«Устюжское летописание донесло до нас память, по крайней мере, о шести деревянных Успенских соборах, каждый раз после очередного опустошительного для города пожара отстраиваемых заново. Самая короткая и трагичная судьба выпала на долю храма, освященного в 1397 году. Уже на следующий год он был разграблен и сожжен новгородцами, что было вопиющим преступлением даже для периода княжеских междоусобиц.

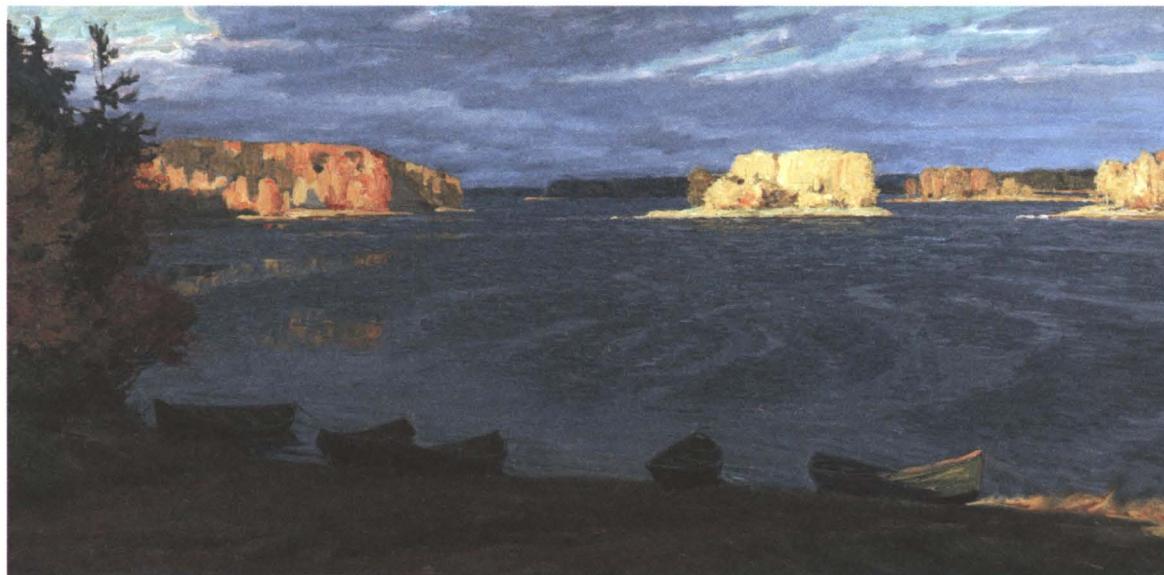
В то лето три тысячи новгородских ратников, повоював Белозерские, Кубенские и Галичские земли, приплыли на насадах — плоскодонных ладьях — к Устюгу, потребовали “копейщины” — откупа за то, чтобы не быть взятыми на копье. Получив отказ, они подожгли посад, при этом разграбив даже соборную церковь, взяли с собой и лучшие ее украшения, утварь и иконы. Забрали и святыню храма — икону Пресвятой Богородицы

Вид с колокольни на Прокопьевский собор, Сухону и Дымковскую слободу

Одигитрии. Но насад, на который принесли икону, не мог сдвинуться с места. Тогда новгородец Ивашко Ляпун “от злосердия своего” взял убрус (веревку, догадался Сиверко), связал им

В. Черный. Северный ветер

образ Пресвятой Богородицы, “яко пленницу”, и сказал при этом: “Пленник на чужую страну не связанный никогда не ходил”. Сдвинулась ладья с места, но испытания новгородцев с этого только начинались. На обратном пути они тяжело болели и слепли. Здоровыми домой вернулись немногие. Говорят, разгневался на них и новгородский епископ Иоанн: повелел доставить икону обратно, устюжский собор отстроить заново. А Ивашку Ляпуна с завязанными тем “убрусом” глазами бросили новгородцы в реку Волхов, икону же крестным ходом проводили до Ладоги, а многие — и до самого Устюга. Ровно через год — 28 июля 1399 года — ра-

Оклад Евангелия.
Чернь по серебру. XVII век

достно встречали устюжане свою святыню. В тот же год прибыли в Устюг новгородские церковные мастера “и поставиша церковь на Устюзе древяну велику единого лета Успение Пречистая Богородицы”», — закончил Сквознячище.

Внимательно слушал Сиверко и вздыхал, а потом прошелестел восторженно — поделился с другом заветной мечтой:

— Я тоже хочу однажды стать самым настоящим ученым-историком — ветром времени, который дует не только с севера на юг, но и из настоящего в прошлое, из прошлого в будущее! Эти ветра столько всего знают, а я пока только чуточку...

Набережная

Ф. Сычков. *Подружки. Дети*

Сквознячище снисходительно пожал плечами:

— Молод еще!

— Ну да и ты не старше, — отвечал Сиверко, вдруг вспомнив, как впервые на этом месте возводили еще ту, давнюю шатровую церковь, округлу, о двадцати стенах, о пяти куполах, а звонкой худобы бездомный Сквознячище стоял с пожитками — небольшим узелком — на целой горе щепы и опилок у подножия деревянного новостроя, задира голову кверху и ждал момента, когда позовут. Тогда его, кажется, звали еще как-то совсем просто и неуважительно, сразу и не придет на ум, Сквознячком, что ли.

— Эй, Сквознячок! Вселяйся! Тебе под заглавным шатром самое место! Только не шали, с огоньком не играйся, а то мало ли! И ты, Сиверко, можешь заглядывать. Кто тут северного ветра боится? Он же на реку, если что... — оправдывался самый гостеприимный из плотников.

Ветреные мальчишки устюжанам сразу понравились — свои!

Хоть и зябкие, а с душой! А настроение новоселья с тех пор для Сиверка — это веселые завитки деревянной стружки, звонкий дружный перестук топоров, белые легкие облачка опилок: раз дунешь — и полетели. Это открывшийся простор на недавно расчищенной от темного леса и пойменного кустарника площади, это улицы

нового города, по которым можно разбежаться и нестись, нестись, не боясь вмазаться в трухлявый пенёк, в колючую еловую ветку, радостно обдувать удивленные лица людей, вдруг ставших горожанами в этом совсем новом, светлевшем на фоне темных лесов городе... Им еще долго не верилось...

Сейчас это где-то называется «Формула-1», а тогда в Устюге это была погоня за ветром. Сиверко начинал забег, а за ним неслись, вздымая дорожную пыль засушливого лета, голоногие мальчишки, а девчонки, взвизгивая, отскакивали в тени домов, мужики улюлюкали, степенные посадские женщины хмурились и сердито качали полными ведрами на коромыслах, но иногда, не сдержав лукавой улыбки, расплескивали обжигающе холодную воду на тех, кто бежал за Сиверком...

Но это было так давно... Первая тысяча лет в жизни самая долгая, а потом, говорят, жизнь помчится так, что подумаешь — вдруг ты уже не ветер, а ураган?

СВЯТОЙ ЗАСТУПНИК

Они жили в деревянном двухэтажном доме, как будто вросшем в каменную монастырскую стену. Зимой старый дом промерзал насквозь. Из всех углов высывали белые ушки снежные зайчики инея. Тепло было только в маленькой комнатке за печкой — у той стены, которая зябко жалась к часовне Прокопия Праведного.

Чтобы согреться, дети подолгу сидели вечерами перед раскрытой дверцей печурки, смотрели на огонь и слушали бесконечные бабушкины рассказы, в которых были теплые ветра и весенние цветы, летнее солнце и ответы на все вопросы.

— Бабушка, а кто такой Прокопий Праведный? — спрашивала любопытная Галка.

— Это святой, покровитель Устюга, его заступник и защитник. Он был набожен, вел праведную жизнь, соблюдал христианские заповеди.

— Он и монастырь защищает? — уточнил Саня.

— Конечно. Ведь основатель этой обители, монах Киприан, был другом Прокопия.

— Это ж когда было-то? — удивилась девочка.

— В XIII веке! — бойко ответил мальчик. Он был старше и уже много знал.

— Да, — подтвердила бабушка, — в 1212 году монах Киприан пришел

на это место. Рассказывают, нашел он большой камень и прокатил его там, где решил поставить монастырскую ограду. Шли годы, выстроил Киприан и скромную церковку, и «малую кельицу», обнес их тыном... А горожане уважительно отнеслись к решению инока и старались не беспокоить, не отвлекать его от молитв и трудов, ведь слово монах означает «живущий уединенно».

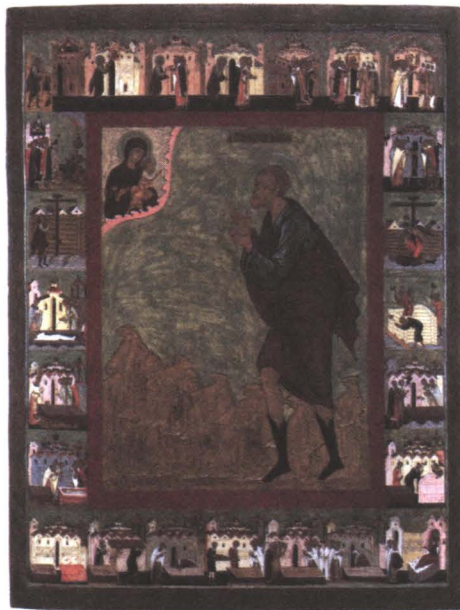
— Бабушка, но как же он мог жить здесь уединенно?! Ведь кругом дома, улицы, люди! — недоумевала Галочка.

— Да что ты! В те времена город только начинали строить, и был он ближе к реке.

А Киприан выбрал для обители невысокий холм за острожной осыпью, у семи озер. Ничего здесь не было, кроме леса и плакучих ив у воды...

— А как они с Прокопием подружились? Он устюжанин был и приходил к Киприану в гости?

— В гости-то приходил, да вот устюжанином Прокопий не был. Удивительно, но родом-то он «от западных стран, от немецкой земли». У себя на родине жил в великом богатстве, слыл удачливым купцом. А однажды прибыл с товаром в славный русский град Новгород. Думал, что торговать будет, а оказалось по-иному. Обрел он здесь и новую родину, и православную веру. Светлые помыслы, доброта без корысти, молитвенное служение

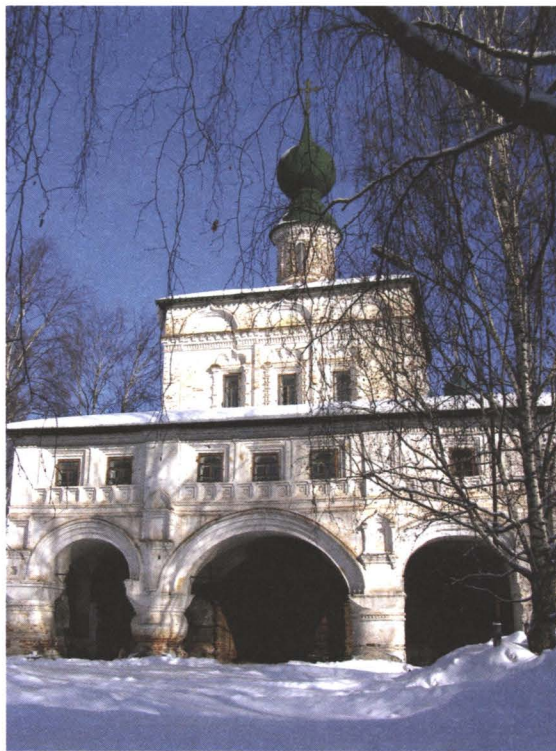
Святой Прокопий Устюжский

Богу стали для него дороже и злата, и серебра. Потому и раздал Прокопий все свое имущество, весь товар нищим и бедным, отдал много и на устройство церковное — монастырю, где принял православную веру. Сам же облекся в худые разорванные одежды и стал вести смиренную жизнь, подвергая себя все новым и новым испытаниям. По-разному отнеслись новгородцы к таким переменам в судьбе знатного заморского гостя. Кто-то восхищался его терпением и добротой, а кто-то и смеялся, считал его человеком «не от мира сего». За нищенство и внешнее безумие стали называть Прокопия юродивым. Он смиренно нес этот крест, не считал ни стыдным, ни зазорным быть непохожим на других, быть гонимым и вызывать насмешки. Главное-то ведь не каждому видимо! Душа человека да ее добрые чаянья куда важнее внешнего облика!

И шел Прокопий по русской земле, узнавал новую родину, испытывал свою душу. Проходил многие города и селения, дремучие леса и топкие болота, зимой страдал от морозов, летом — от солнечного зноя. То щемило его сердце от людской греховности и жестокости, то вдруг замирало оно и начинало учащенно биться при виде несказанной красоты православных храмов.

И вот увидел он однажды новый город в устье северных рек — Устюг, его многоглавые стройные церкви, их сияющие маковки, блистающие на солнце кресты. Глянул на эту благолепную красоту Прокопий и решил: какие бы испытания ни готовила ему жизнь, не покидать этот город.

Долго не принимали и не понимали его устюжане. Натерпелся Прокопий от них и насмешек, и укорений, испытал боль от тумачов и ран. Ото всюду гнали убогого, странного чело-

*Владимирская надвратная церковь
Михайло-Архангельского монастыря*

века в разодранной и ветхой одежде, в дырявых, без подошв, сапогах. Не каждый день было у него что поесть. Не каждую ночь он находил себе приют. Спал, где придется: то на холодном камне, то в выстуженной ветрами лачуге, сквозь крышу которой светили звезды. А больше ходил по улицам спящего города, от храма к храму, и молился Богу, прося у него за Устюг и людей... Лишь потом, обрета себе уголок на паперти (на крыльце) соборной церкви, стал пребывать Прокопий там неотступно. Только днем иногда любил выходить на берег Сухоны, садился на большой камень и смотрел, шепча молитву, на плывущие вдаль корабли. Было ему когда-то и самому ведомо, какие опасности подстерегают странствующих и как они нуждаются в заступничестве. Болела за них его душа...

— Бабушка, бабушка, но как же он мог быть защитником, если был часто и голоден, и слаб?

— Получается, что сила-то его была в другом — в искренности веры, в молитве Господу — слезной, от всей страдавшей души.

— А он нас и сейчас защищает?

— Конечно.

— А от чего? — все больше удивлялась девочка.

— Да вот хотя бы от холода. Здесь ведь теплее, да? — улыбнулась бабушка и задумалась, вспоминая. В печи догорали последние поленья, рассыпались в уголья, вспыхивая холодным красно-синим огоньком. В комнате становилось теплее и уютнее. — А ведь он, Прокопий, когда-то спас Устюг от каменной тучи.

— Разве тучи бывают каменными?

Саня снисходительно посмотрел на сестричку: маленькая, еще не знает!

— А вот послушайте. Одарил Господь Прокопия за его безгрешную, праведную жизнь умением предвидеть и предсказывать. Несколько раз предупреждал он устюжан о приближении страшной беды, о гибели людей и города, предо-

стерегал от недобрых поступков, от грешных намерений. А устюжане лишь с досадою спрашивали: «Зачем ты, Прокопий, плачешь таким непрерывным плачем, и какая скорбь и печаль у тебя на сердце?» Но не ждали ответа, считали, что нищий с церковной паперти всего лишь юродивый и всегда говорит бессмысленно! А Прокопий, отчаявшись что-либо объяснить людям, в одиночку, плача и скорбя, приносил свои молитвы за город и за живших в нем людей.

Предчувствия не обманули его. В жаркий летний день 1290 года, когда солнце стояло высоко в небе, вдруг за клубились над городом черные тучи, стало темно, как ночью. Вспышки молний слепили глаза, раскаты грома были столь страшны, что земля вздрагивала и колебалась, а люди не могли расслышать друг друга.

— Это не гром был! — вдруг догадался Саня и проговорил почему-то шепотом. — Это огненные тучи сходились, сталкивались, ударяли друг друга каменными боками... А искры от ударов были такими страшными, что походили на молнии...

Галка смотрела на брата во все глаза: теперь она точно представляла, что такое каменная туча! А бабушка обняла ее, пригнула к себе:

— Не бойся, маленькая! Это было так давно! Ну вот... Может, в другой раз?

— Нет, нет! Я не боюсь!

Н. Рерих
*Прокопий Праведный
за неведомых плавающих
молится*

Н. Дубовской
Притихло

И собрались испуганные люди в соборной церкви, и увидели, как истово молится Прокопий, стоя на коленях перед иконой Благовещения Божией Матери. И уже вместе с ним обратились устюжане к Господу и Богородице, прося помиловать город. Сокрушались люди, признавая грехи свои. Были слова молитв их горячи и искренни, поклоны глубоки, обещания исправиться чистосердечны.

И вот что-то вдруг переменялось в воздухе, наступила тишина, и молнии прекратились, и больше не было слышно грома. Выбежав из храма, увидели люди, что облака рассеялись, и только на севере черным камнем висела над горизонтом туча, а потом, вдруг расколовшись, исчезла. И пошли они туда, чтоб увидеть. И прошли двадцать верст. И там, вдали от Устюга, на пустынном месте предстало их взорам страшное зрелище: исхлестанная каменным градом земля, поваленные, сломанные деревья. Камни, брошенные на землю со страшной силой, в беспорядке громоздились друг на друге, засыпав ущелье. А еще удивило многих, что не было в тех местах ни погибших, ни раненых — ни среди людей, ни среди зверя лесного.

Пройдет много лет, минуют века, но будут всегда помнить устюжане своего святого заступника, будут приходить с молитвой в Прокопьевский со-

бор, который возведут на берегу Сухоны — у того камня, где он любил сидеть и смотреть на проплывающие корабли. Будут приходить к нему люди в печали и радости и смиренно просить его об одном и том же: «Святой праведный Прокопий, моли Бога о нас!»

Переглянулись Саня с Галочкой. Они были обычными детьми. Но они родились в этом городе и поэтому уже знали, что Великий Устюг — не только родина Деда Мороза. И если бы их спросили однажды, как найти город-сказку, они бы ответили, что попасть в него можно, лишь пройдя сначала тихими улочками прошлого, вслушиваясь в легенды и предания устюжан, вглядываясь в старые камни города.

Ведь земля без легенд, без преданий — это земля без сказок. Люди, которым нечего рассказать, никогда не станут сказочниками, а сказки не появятся там, где нет памяти о прошлом, где дети не гордятся своими предками и не знают их имен, где никто не хранит бережно в своих сердцах и мыслях великую, простую мудрость старинных преданий.

«ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ»

Ледоход на Сухоне

Далеко не в каждом городе, далеко не на всякой реке можно наблюдать весенний ледоход, подобный великоустюжскому. Много тут всего сошлось, кроме двух рек: и простор, который открывается взору с торжественно-весенней набережной, и ожидание, которое объединяет всех — и природу, и людей, и чаек. Вот-вот, уже близко!

Отомкнула весна родники и речки. Смотрите, как текут ручьи, слушайте, как журчат весенние воды... И вот уже из Кубены-озера щука исполинская плывет. Блеснул хвост серебряный на перекате, сверкнул речным жемчугом. Вчера под Вологдой ее видели, а сегодня тем хвостом, золотым плавником она в Тотьме лед разбила. В Опоках сумятица — чайки носятся, призывно требуют:

— Скорей-скорей, спеши, весна, напои водой, всех теплом согрей!

Синеет лед, каемкой вдоль берегов серебрятся забереги. «Весенний ледок,

что чужой порог, ненадежен». Солнце с полудня повернуло, окрасило лед алыми красками заката, и вот дрогнул на реке под натиском весны ледяной панцирь — поломался от теплых дождей, южных ветров. Прибывает вода, вздымаются льдины, хищно теснят друг друга, мнут, жмут к краю. Неузнаваема в ледоход и казавшаяся всегда такой высокой набережная. Медленно с таинственным шуршанием наезжают на берег поломанные снежные глыбы, с шипением вырывается из-под них вода, вскидываются причудливо над уносимыми снежными полями, глухо бухаются в пучине паводка вывороченные пни, деревья, до блеска отполированные, черные, вдруг ожившие коряги. А может, и не коряги вовсе?

Ледоход красив, но и об опасности не забывай. Забудешь, напомнят бабушки устюжские: «Ой, дитятко, близко-то к краю, к речному обрыву не подходи! Ужо, Лизуха утащит! Из воды, из-подо

льда высунется, с берега как языком слизнет! Только тебя и видели!» Кто она — Лизуха: Несси наших северных рек? А уж точно, что для ребят — остростка, осторожнее будут.

В. Страхов
*Ледоход
в Тотьме*

Зов крови

Но есть и еще кое-что, объединяющее в эти ледоходные дни устюжан, — это зов крови, это далеки-ми предками остав-ленное в генах стрем-ление изведать, что ждет человека на речных дорогах, на морских путях — в неведомых краях сурового Севера.

Великий Устюг — город великих путе-шественников, кото-рые снискали славу не только своей ма-лой родине, но и все-му Отечеству. «Без устюжан в Сибири не обойдется никакое де-ло», — именно так го-ворили россияне в да-леко XVIII веке. Го-род, стоящий на перекрестке важ-нейших водных путей, год за годом отправлял своих отважных сынов за край русской земли — на север и на восток. Спешили к су-хонским причалам все без-рассудно смелые юноши Устюжского края, собира-лись в дорогу и отважные горожане, еще не зная, что впишут однажды свои име-на в историю России. Бы-ли среди них Семен Деж-нёв и Федот Попов, Вла-димир Поярков и Ерофей Хабаров, Владимир Атла-сов и Василий Шилов, Ни-кита Шалауров, Афанасий Бахов и много-много дру-гих, имен которых мы не

Памятник Семену Дежнёву

знаем. Непреклон-но шли устюжане-землепроходцы в да-лекие и неведомые земли Сибири, Даль-него Востока, первы-ми делали важней-шие географические открытия.

В 1648 году Се-мен Дежнёв совмест-но с Федотом Попо-вым совершил плава-ние из Колымы вокруг Чукотского полуостро-ва в Берингово море, пройдя впервые и фак-тически открыв про-лив между Чукоткой и Аляской. Дежнёв составил чертеж реки Анадырь и части ре-ки Анюй, описал свое плавание и природу Анадырского края.

Другой устюжанин, Ерофей Хаба-ров, в 1651—1652 годах открыл крат-чайший путь из Якутска на Амур, составив географическое описание

Г. Сотсков. *Берингов пролив*

богатств Амурского края. Имя Хабаровов носит один из крупнейших городов Дальнего Востока — Хабаровск. Замечательные подвиги русских землепроходцев XVII века завершил в 1697 году устюжанин Владимир Атласов открытием и описанием Камчатки.

Берега «студеных» морей Северного Ледовитого океана от Лены до Шелагского мыса описал и нанес на карту в 50—60-е годы XVIII века купец из Великого Устюга Никита Шалауров. Он же открыл Чаунскую губу, остров Айон и Ляховский остров из группы Новосибирских островов.

В честь всех устюжских землепроходцев и мореплавателей, уходивших

Солнечные часы

когда-то на восток — «встречь солнцу», в 1977 году на набережной Великого Устюга был установлен необычный памятник: солнечные часы с корабельным штурвалом на вершине стержня.

Корабль великих мореходов

Примерно так выглядело судно, на котором отправлялись в далекие и очень опасные плавания по северным морям пращуров нынешних устюжан. Коч был замечательным арктическим парусником своего времени — быстроходным и легким на волне.

В северо-восточных морях на этом корабле за сутки под парусами удавалось проходить от 150 до 200 километров!

«Коцей», или иначе «шубой льдяной», на поморских судах называлась дополнительная обшивка, которая предохраняла борта от трения о лед. Это было очень важно для плавания в услови-

ях Арктики. По всей вероятности, именно поэтому со временем и само судно стало именоваться кочем.

Еще одной важной особенностью коча были выпуклые, яйцеобразные борта. Они позволяли судну выжиматься на поверхность, не давая льдам его раздавить.

Этот секрет русских корабелов был совершенно неведом и непонятен ни скандинавам, ни англичанам с голландцами. Поэтому все их попытки освоить морские просторы Арктики, предпринятые примерно в одно и то же время с нашими мореходами и даже значительно позднее, зачастую заканчивались сокрушительными катастрофами.

Модель коча

Цена открытия

20 июня 1648 года из устья Колымы вышли в море и повернули на восток шесть кочей, на которых находилось 90 человек. Возглавляли этот поход устюжане Семен Дежнёв и Федот Попов. Никто тогда еще и не знал, какие испытания выпадут на долю уходящих в неизвестность мореходов, какое величайшее открытие сделают в начале сентября эти отчаянно смелые, мужественные, выжившие в бушующих северных стихиях люди. А океан почти с самого начала то ли пугал, то ли предупреждал их. Пропадали без вести товарищи, уносимые штормом в неизвестность. Дикие ветра выбрасывали кочи на камни, разбивая их в щепки... Неприветливо встретил их и далеко выступающий в море каменистый мыс, у которого, сталкивая два течения — холодное и теплое, в воронки закручивалась морская стихия. Но вот, наконец, морской берег резко повернул на юг, обещая и «теплое море», и неизвестные богатые земли! «Большой Каменный Нос» — такое название этому мысу, лежащему «промеж сивер на полуношник», дал Семен Дежнёв. Так бы-

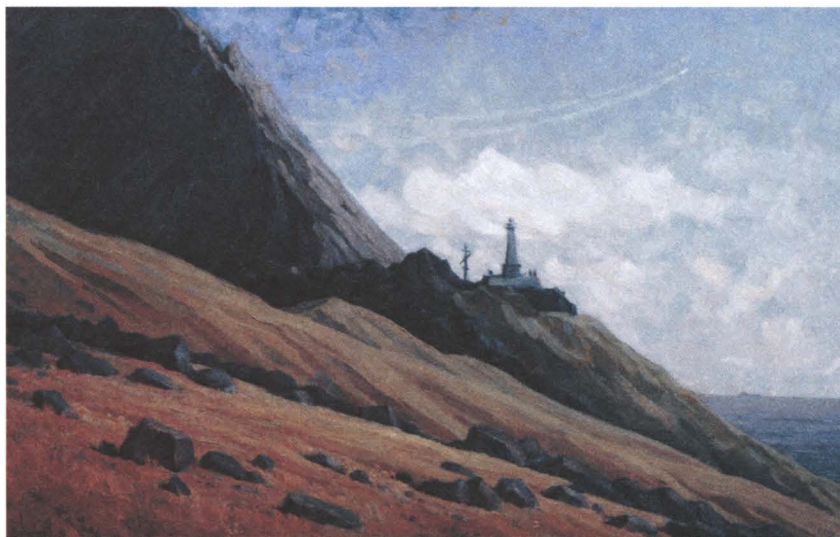
ла впервые открыта крайняя восточная оконечность Азии, которой через 250 лет в 1898 году по ходатайству Русского Географического общества будет присвоено название мыс Дежнёва.

Именно Семен Дежнёв «со товарищи» намного раньше Витуса Беринга прошел проливом, отделяющим Азию от Северной Америки. Северный Ледовитый океан все-таки пощадил тогда многих из них, но Тихий готовил им свои жесточайшие испытания. Здесь погибли многие товарищи Дежнёва, пропал без вести и Федот Попов. «И носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы и выбросило за Анадырь-реку. А было нас на коче двадцать пять человек». Оттуда потерпевшие крушение двинулись на северо-восток: «А пошли мы все в гору, сами пути не знаем, холодны, голодны, наги и босы. А шел я, бедный Семейка, со товарищи до Анадырь-реки ровно десять недель. И с голоду мы, бедные, врозь разбрелись. И вверх по Анадырю пошли двенадцать человек и ходили двадцать ден, людей иноземных и дорог не видели и воротились назад». Но они

смогли построить зимовье, а затем и Анадырский острог. Скоро была разведана и дорога в Нижнеколымск.

Из 90 участников экспедиции осталось в живых только 12 человек. Такова была цена, которую заплатили русские люди во имя великого географического открытия.

Г. Сотсков
Мыс Дежнёва

Город ожившей сказки

Известных земляков, которые когда-то родились и жили в Великом Устюге, назовет каждый житель этого города. Но есть один, кого знают и любят не только устюжане, но и все россияне от мала до велика, а дети с нетерпением ждут на Новый год. Это сам Дед Мороз!

Увидев зимние пейзажи Великого Устюга, кто ж будет сомневаться, что это город-сказка? Да, зима в этом городе необычайно хороша.

В самом сердце Великого Устюга разместилась городская резиденция Деда Мороза. Именно здесь владыка Севера принимает решения о праздновании Нового года, о своих поездках по городам России и зарубежья.

В Тронном зале резиденции, открыв Книгу добрых дел и пополнив ее рассказом о своих свершениях, вы будете удостоены чести посидеть на его роскошном волшебном троне. Здесь же можно познакомиться с историей и сегодняшним днем сказочного проекта «Великий Устюг — родина Деда Мо-

Городская резиденция Деда Мороза

Почта Деда Мороза

роза». В это время другие будут увлеченно разглядывать ожившие на театральном барабане картинки из сказки про волшебный посох Деда Мороза. Самые искусные под руководством опытного наставника в мастерской волшебника изготовят небольшие сувениры. Мастерицы-устюжанки, знающие секреты знаменитых промыслов, научат вас азам вологодского кружевоплетения и шемогодской резьбы по бересте. Спустившись на первый этаж, в гостиную волшебника, вы попадете в мир вещей, окружавших устюжан 100 лет назад.

Терем рядом с городской резиденцией — это здание «Почты Деда Мороза», где неустанно трудятся его помощники, разбирая десятки тысяч детских писем, пришедших в адрес мудрого и доброго Дедушки со всех концов необъятной России и, наверно, уже из всех стран мира, даже из тех, которые вспомнишь, только взглянув на глобус.

В мастерской городской резиденции Деда Мороза

От Великого Устюга до загородных владений Деда Мороза, до его Вотчины — всего несколько верст. Вы с друзьями окажетесь в совершенно другом измерении. Здесь все сказка, и даже сама природа, по-северному неброская, но дающая редкостное отдохновение.

Если от въездных ворот вы пойдете по Аллее Чудес, то сразу за поворотом перед вами откроется вид на украшенный великолепным деревянным узорочьем терем Деда Мороза... Но зачем же торопиться, когда, свернув на Тропу Сказок, можно еще путешествовать и путешествовать в предвкушении долгожданного чуда. Вместо волшебного клубка уведут вас в глубины соснового бора аккуратные деревянные мостки. Встретитесь вы на этой тропе со многими обитателями сказочного леса, побываете у жилища Лесовичка и у волшебного колодца, на поляне молодецких забав и у костра двенад-

цати месяцев насладитесь чудесным боровым воздухом и тишиной, нарушаемой лишь лесными шорохами, шепотами ветерков да пением птиц в кронах сосен.

Вот наконец и терем. Поднимайтесь на его тесовое крыльцо, входите в узорчатые двери! Сказочное путешествие здесь не закончится, ведь Вотчина — это еще и зимний сад и зоопарк, летом — прохлада прудов, зимой — головокружительные горки, от спуска по которым захватывает дух.

На Аллее Чудес

Сказ о Доме

Вы были в Доме Деда Мороза рано утром, когда еще солнечные лучи только начинают заглядывать в его окна, когда все тихо кругом? Первыми, встречая своих заботливых хозяйшек, просыпаются волнистые попугайчики, начинают весело гомонить, стосковавшись за ночь по общению. Потом Дом, медленно, неторопливо просыпаясь, начинает оживать, наполняться голосами детей и взрослых, музыкой Сказки, радостным возбуждением в предвкушении чуда и добрых дел. И кажется, даже елочка в Тронном зале по-особенному, как будто кокетничая, начинает топорщить свои зеле-

Герб Деда Мороза

ные иголки, подмигивать огоньками и гордо выставлять напоказ свое роскошное убранство.

Проведут вас по Дому помощницы Деда Мороза, устюжаночки, те, которые всей душой с самого детства в Сказку верили, а сейчас ее творить помогают стараниями своими, жизнь да радость в нее вдыхая. Одним чудесам, пусть и маленьким, они только учатся, а иная работа в руках у них горит и спорится — ленивым на зависть, старательным в подражание. Все они рукодельницы, умелицы и старательницы. А рассказать столько всего могут, что слушать — не переслушать...

Дом Деда Мороза

В Дом вы зайдете — сразу в Тронном зале окажетесь. Стоит, красуется там, до самого свода высокого взметнувшись, зеленая красавица, нарядно украшенная гирляндами затейливыми, бантами изысканными, шарами блестящими, сердечками золотыми и звездами серебристыми. Перед ней — два трона, резьбой изукрашенных. Рядом с большим, величественным тронном зимнего волшебника стоит трон чуть поменьше — Снегурочкин. Приедет она из Костромы, будут они вместе гостей принимать. Если пустует трон Хозяина терема, не расстраивайтесь ни капельки и знайте, что, занимаясь делами неотложными и важными, Дед Мороз все равно для каждого гостя время найдет, непременно побеседовать выйдет. А пока занят он, вас его помощницы по Дому проведут, много интересного поведают, все-все покажут, а вы полюбуетесь.

Много светелок в хоромаш Дедушкиных. Есть здесь рабочий кабинет, есть спальня-опочивальня, есть и светелка для подарков, и мастерская.

Сначала поведут вас хозяйюшки в комнату будущего — в комнату проектов. С гордостью за Сказку нашу расскажут они вам о том, как Дом будет выглядеть, да и вся Вотчина, лет так через двадцать. Хранит эта комната многие мечты зимнего волшебника. Среди них есть и совсем скромные, маленькие, но очень добрые, а есть и грандиозные, очень серьезные и мудрые. Все, о чем чародею белобородому мечтается, и впрямь очень Сказке необходимо. Вот мечтает Дедушка Мороз, что появится у него настоящий дворец, чтобы можно было в нем праздники устраивать, друзей да гостей вместе собирать.

Но чтобы стала Вотчина такой, обязательно нужно верить в исполнение

желаний, в то, что однажды все самые заветные помыслы свершатся. Раньше, например, и предположить не могли, что однажды встретится российский зимний кудесник с лапландским. А ведь сейчас этим никого не удивишь!

Приведет гостей терема одна из хозяйюшек в комнату желаний. Тем эта комната и особенная, что именно здесь в 2000 году встречались два великих зимних волшебника — Дед Мороз и Санта Клаус. Посовещавшись тогда, раздумьями своими, мечтами да планами поделившись, подписали они «Обращение к детям всей Земли от Всероссийского Деда Мороза и Санта Клауса из Лапландии» и провозгласили в нем XXI век — веком добрых дел и чудес. И с тех самых пор стали замечать помощницы, что в комнате чудеса происходят:

Ель в Тронном зале

Кофейник, чашка с блюдцем.
Великоустюжская эмаль. XVIII век

какое желание не загадай, оно обязательно исполнится! Сначала лишь одна замечала, а потом и другие, в том убедившись, поверили. Только одно условие непременно соблюдать нужно: должно желание заветное обязательно добрым быть да от чистого сердца загаданным. Главное при этом не о себе одном думать, а о родных да близких, друзьях да товарищах...

Загадали? Теперь можно и на второй этаж, в рабочий кабинет подняться, где сразу вы окажетесь, как и положено, в приемной. Комната эта необычная — здесь и пресс-центр Деда Мороза располагается, и его личный пресс-секретарь работает. Рассылает эта помощница «морозные новости» всем, кого интересует, что нового и необычного, доброго и неожиданного в Доме и в Вотчине происходит. А о том, что не вчера да не сегодня происходило, «Дедушкин месяцеслов» расскажет, все времена года

перед вами яркими красками своими промелькнут.

А теперь набирайтесь смелости да в рабочий кабинет Деда Мороза следуйте! Вдруг он как раз сейчас именно там сидит за столом своим удобным, резьбой дивной украшенным, письма детские читает, дела добрые вершит. А если нет хозяина на месте, можете и осмотреться, Аленушку порасспрашивать о том, что в кабинете увидите. На главном месте здесь — герб нашей Сказки с девизом «Твори добро!» на ленте и личный штандарт Деда Мороза. А вот елочка, украшенная руками почетных гостей.

Появилась в Доме Деда Мороза и своя библиотека. Много здесь книг, подаренных гостями, но есть и особенные — книги-великаны. В книге «Своим умом» рассказывается о мастерах, помогающих Сказку творить, а книга «Сказ о том, как молодежны в гости к Деду Морозу приезжали» наполнена добрыми пожеланиями новобрачных и их фотографиями, сделанными в гостях у Деда Мороза. Надеется свита зимнего волшебника, что со временем наполнится библиотека Дома так необходимыми детям, и оттого бесценными, книгами со старыми, добрыми, может быть, полузабытыми сказками, и о каждой из этих книг можно будет рассказать свою удивительную и поучительную историю.

Есть в тереме сказочном и комната подарков, полученных самим Дедом Морозом. Расскажет вам Святославушка, что каждый год коллекцию подарков пополняют самые лучшие

На горке с Дедом Морозом

работы, представленные на Вологодской выставке-ярмарке. Есть и работы, которые привезены в дар Деду Морозу и вручены ему лично. Это майолика из города Ярославля, чудесное панно, сделанное уральскими мастерами из мельчайших полудрагоценных камней в технике каменной росписи и, конечно, работы местных мастеров.

У смотрового окна на втором этаже Дома расположилась самая настоящая детская мастерская, где ребята могут своими руками — что особенно сердцу Дедушки Мороза дорого — сделать поделки и подарки. Дарят ребята на добрую память любимому волшебнику и то, что смастерили заранее — перед поездкой — очень старательно и кропотливо, с любовью и выдумкой.

Любопытно гостям узнать, какие наряды у Деда Мороза есть, удобно ли ему в них и зимой, и летом. Ответ на этот вопрос можно найти в его

Бабушка-Аушка

Дед Мороз в кабинете

гардеробной. Здесь бережно собираются и сохраняются его костюмы, даже одни названия которых уже могут многих заинтриговать. Есть среди них и «Праздничное сияние», и «Морозное узорочье», «Блеск серебра» и «Летнее белоснежье», да еще и «Берестяной сказ». Есть и наряд необычный — спортивный, в котором открывает зимний волшебник в своей Вотчине сезон катаний с русских гор. За всем этим рукотворным великолепием присматривает да заботится неустанно еще одна юная устюжаночка — Марьюшка. Она же и позволит вам в опочивальню Дедушки Мороза заглянуть, зная, что днем вы его там не застанете и никак не побеспокоите. Будете долго рассматривать, не отводя глаз, кровать волшебника, по красоте необычайную: украшена она резьбой по дереву, и каждый резной завиток на ней — со значением.

В изголовье — солнышко красное, а в ногах — месяц ясный. Совы умножают мудрость Деда Мороза, птички по утрам вести добрые со всего света приносят. Покрывало морозным узором вышито. Можно еще в опочивальне Морозовой в волшебное зеркало посмотреть, чтоб душой молодеть и не стариться.

У мастериц Дедушки Мороза есть в Доме отдельная комната, уютно в ней и удобно, много там вещей старинных, когда-то самых обычных в обиходе русских женщин, а теперь диких. Есть и ткацкий стан, по-старинному мастерицы его называют — кросна.

Много работы у рукодельниц: надо для Деда Мороза костюмы летние и зимние шить, всю свиту одевать, за убранством терема следить да еще и сувениры с подарками к новогод-

Грибок

Кросна (ткацкий стан)

ним праздникам готовить. Милавушка, хозяйка гостеприимная, о многом рассказать может, а многому — и научить. Умеете ли половичок соткать или хотя бы выполнить такую простую вещицу из льна, как куколка-берегиня? Нет? Тогда вам обязательно надо к Морозовым помощницам в обучение поступать, ведь сделать-то это так легко и просто, а сколько тепла и уюта в доме вашем прибавится от таких незатейливых вещичек! Ведь даже внучка Деда Мороза, Снегурочка, на досуге мастерицам помогает, да и поучиться у них не прочь рукоделиям разным. Наверно, поэтому и комната ее с мастерской рядышком. Есть в ней и уголок девичий с зеркальцем да украшениями, и наряды, сшитые для Снегурочки мастерицами Дома. А на столике ее рабочем можно детские письма увидеть, которые адресованы не только Дедушке Морозу, но и его внучке. А еще, чтобы о Костроме не тосковала, много здесь вещей, которые о городе этом рассказывают.

Самые любимые у Дедушки Мороза комнаты — детские. Первая из этих комнат радует взор обилием елочек, с удивительной фантазией сделанных ребятами из разных материалов. Самая нарядная здесь — елочка для новобрачных. Приезжающие в день свадьбы пары оставляют на ней

Письма детей Деду Морозу

на добрую память сердечки с именами своими.

Во второй из комнат все время какая-нибудь выставка новая. Тут и необыкновенные валенки бывают, и удивительные варежки, и сундучки-шкатулки разные, и куклы, и петухи с зайцами... Гордится Дедушка Мороз детскими работами, всем гостям их показывает, любит он, когда ребята в его конкурсах участвуют. Если спросите, для чего это, ответит вам Забавушка, хозяйшка детских комнат:

— А для того, чтобы чада малые да отроки юные учились в обыкновенном необыкновенное видеть, в скучном — забавное, в простом — прекрасное, чтобы им меньше времени оставалось повесничать и лоботрясничать, да чтобы Деду Морозу помогали Сказку делать еще добрее и красивее. Пусть ребяты учатся из простого материала чудеса своими руками творить да с малолетства жалеть и понимать цветок и былинку любую, зверушку лесную и птаху малую. А взрослые пускай-ка свое детство вспомнят, коли забыли, а через это чад своих лучше понимать начнут да, над общим делом потрудившись, дружнее станут.

Сам Дом тем временем живет своей особенной жизнью и даже не всег-

Сундуки расписные

да помалкивает: потрескивают стены его то зимой от мороза, то ночами летними, когда крыша медная, за день прогревшаяся, своим теплом с теремом делится. И есть у Дома свой характер, свой норов. При первом знакомстве взглянешь на него, и кажется, что смотрит терем на тебя своими очами-окнами в резных наличниках гордо и величаво, недоступен он в этот миг и торжественен. На крыльцо тесовое поднимаешься, ступени под ногами поскрипывают даже сердито вроде бы. А погостишь в Доме, душу его разглядишь да с обитателями познакомишься — и почувствуешь: что-то родное в этих стенах живет и сердцу милое.

В. Васнецов. Снегурочка

Перо жар-птицы

Дымник.
Кованое и просечное
железо. XIX век

Наш народ так талантлив и искусен, так богата Россия изумительными, неповторимыми в своей красе творениями мастеров именно потому, что, пролетая над нашей землей, обронила свое перо жар-птица, наделив людей сказочным даром творить прекрасное...

Что сказать, если так и было. Только вот думается, что над Устьюгом Великим пролетела когда-то не одна птица, а стая золотокрылая, и каждая чудоптица не пожалела для него солнечным жаром сияющего пера.

С древнейших времен устюжане старались окружить себя красивыми вещами. Кузнецы и гончары, резчики и ювелиры, вышивальщицы и ткачихи создавали удивительные произведения декоративно-прикладного искусства — посуду и украшения, мебель и одежду, плели кружева, вышивали изысканные узоры. А широкий торг, который вел Великий Устюг в период своего расцвета, еще более способствовал развитию уникальных ремесел.

Наибольшую славу древнему городу принесло вели-

колепное искусство черни по серебру. Из поколения в поколение передавали устюжане секрет ее создания; соблюдая традиции, берегут его и сегодня.

Уже в XVII—XVIII веках Великий Устюг стал всеми признанной столицей черного искусства. Лучших мастеров вызывали в Москву, в «серебряную палату» — кремлевские ювелирные мастерские, где создавались изделия из драгоценных металлов для царя и патриарха. «Северная чернь» стала знаменитой.

Как же рождается это серебряное чудо? Сначала на металле вырезают рисунок. Затем изделие покрывается *чернью* — черным сплавом сернистого серебра, серы и других компонентов. После обжига в печи чернь плотно схватывается с металлической основой. После этого лишняя чернь, не попавшая в углубления рисунка, спиливается. И вот она, серебряная поэма Севера, — бархатная чернь неповторимого орнамента, блеск светлого драгоценного металла, безукоризненно выполненная отделка!

Сюжеты рисунков со временем менялись. Но неизменным оставалось стремление художников и гравировщиков запечатлеть на серебряном фоне чудесную панораму набережной Великого Устюга.

Слева направо: Е. Тропина. Чарка. 1968 год; Е. Тропина. Чарка. 1971 год; Ковш. Серебро. XVII век;
Е. Тропина. Кофейный набор. 1976 год ; Браслет. Начало XX века

Никогда не изменяли мастера-ювелиры своему городу и своей стране. В 1913 году англичане предлагали Михаилу Павловичу Чиркову, на то время единственному хранителю секрета черного искусства, 10 тысяч рублей золотом и английское подданство, но он с возмущением отказался.

XX век принес устюжанам-ювелирам новые успехи. В 1937 году за комплект серебряных изделий с рисунками Евстафия Павловича Шильниковского по мотивам сказок А.С. Пушкина артель «Северная чернь» была удостоена Золотой медали на Всемирной выставке в Париже. И ныне серебряная сказка Великого Устюга завоевывает сердца любителей прекрасного в Нью-Йорке и Лондоне, Милане и Лейпциге, и во многих-многих других городах мира. Ведущие музеи России гордятся коллекциями изделий великоустюжских мастеров-ювелиров, славившихся, кстати, еще и своими неповторимыми финифтью и филигранью.

Ремесленники Великого Устюга из века в век творили рукотворную сказку: железо в их руках свивалось в ажурный узор, а береста превращалась в кружево...

В десяти километрах от Великого Устюга струится, вьется неспешно меж цветущих лугов, меж ягодных уговоров речка Шемокса. Здесь, в деревне Курово-Наволоки, издавна жили удивительные мастера — творцы берестяного кружева. В мае и июне отправлялись они в лес на поиски молодых берез, гладких, несучковатых, снимали с них осторожно верхний слой набухшей коры. Их терпение вознаграждалось солнечными листьями бересты — холстами шемогодских художников! А дальше на ее листы тупым шилом наносился рису-

*Крест нательный на цепи.
Вторая половина XVII века*

нок, в котором угадывались и прожилки листьев, и лепестки цветов, и витиеватая вязь стеблей. А затем уже острым специальным ножом убирал резчик все лишнее, и рождалось чудо! Хороводом тонких изогнутых стебельков, цветов и листьев ложился на бересту растительный орнамент.

Похожую на кружево берестяную полоску обычно наклеивали на яркую цветную поверхность шкатулки, ларца или туеска, «и все эти предметы становились столь красивыми и изящными, что, казалось, будто они пришли из далекой сказочной снежной страны». Именно так пишет о великоу-

Туес. XIX век

*Хлебница (деталь).
Мастер А. Маркова. 1984 год*

*Блюдо (деталь).
Мастер Т. Вязова. 1980 год*

Ларец.
Просечное железо.
XVII век

Кронштейны. Кованое и просечное железо. XVIII век

Дуги.
Дерево,
резьба, роспись.
Великоустюжский
уезд. XIX век

стюжской резной бересте большой знаток русской культуры Сюзанна Масси.

Лучший же мастер этого промысла Иван Афанасьевич Вепрев за свои удивительные шкатулки, разошедшиеся по всему белому свету, имел десять медалей и дипломов, в том числе почетный диплом Всемирной Парижской выставки 1900 года.

Создают берестяное кружево в Великом Устюге и сейчас. Как работает мастер, можно увидеть — где бы вы думали? — в городской резиденции Деда Мороза. Большой опыт позволяет резчику создавать знакомый рисунок без предварительной прорисовки — по памяти. Свободное, без больших усилий, движение резца мастера рождает удивительно плавные, мягкие и пластичные узоры. Смотреть на это завораживающее действо — одно удовольствие. А можно и самим попробовать, помня, что традиции живы лишь тогда, когда к мастерам на смену приходят вдумчивые ученики, наследуя их опыт и открывая свои таланты.

Хоть и годы минули, столетия прошли, а не растеряли устюжане завещанных предками умений. Вот только один секрет не уберегли.

Морозные узоры на старинных шкатулках дивными цветами распускаются, серебряными снежинками-звездами горят... А нынче никто повторить это чудо чудное не может, забыли устюжане секрет его сотворения. Вот и Дед Мороз иногда за то на горожан серчает, стужу лютую напуская на родной город. Как же такое беспамятство случилось, что традиция мороза по жести утрачена? Ведь вот он, зимний волшебник, века на земле живет, а узоры свои на стеклах рисовать и в тысячу лет не разучится!

Но отходчив старик, не злопамятен. Разве можно на таких искусников, умельцев, самородков природных подолгу обижаться! Ведь сколько ремесел сохранили, сколько искусств, на всей Руси единственных, сберегли!

Кошевка (сани-пошевни).
Дерево, металл. Великоустюжский уезд.
Первая половина XX века

Девичьи сокровища

А какими умелицами самые обычные устюжанки были! Ошибается тот, кто думает, что такое мастерство с молоком матери приходит. Можно и молоко пить да ничему не научиться...

С терпением да со старанием сызмала девочки в уезде Великоустюжском секретам мастерства обучались. И главному из них — трудолюбию. Когда руки сами знают, что делают, тогда и фантазии, как птице без клетки, — воля!

Вот еще устюжаночка ростом с прялку, а то и меньше, но куделю уже прядет, хоть и веретено руки пока не слушается, хоть и нить грубой кажется, а пальцы так и жжет... Но под сказку-то бабушкину все и получается лучше, и время быстрее идет:

— Жили-были старик со старухой. Детей у них не было. Слепил старик из глины парнечка. И называли они его со старухой Глинышкой... — И в который раз замирает веретенец в девичьей руке, в который раз округляются глаза в ожидании того, что дальше будет, хотя уже все наизусть ведомо, а все равно страх берет.

— Плывет Глинышок по речке в лодочке с красными весёлышками, а Баба-яга на другой берег манит, в гости зовет:

*Глинышок, Глинышок!
Ко бережку, ко бережку,
ко масляным блинам,
ко воложным колобам,
к творожным шанежкам...*

Вечера зимние длинные, темные, лучина в светце потрескивает... И нить уже из-под девичьих пальцев тонкая да ровная идет, круто скрученная. А тятенька тем временем новую прялку-пресницу любимой доченьке ладит, чтоб на ней все как в сказках бабушкиных: и кони справные, и парни славные, и цветы невиданные, и птицы неслышанные... Совсем испотешил, избаловал! Но как иначе-то, коли в семье красна девица-рукодельница подросла!

Да вот уже и весна близко, и вся пряжа готова. И когда

Прялка.

Конец XIX — начало XX веков

И. Машков. Пряжа

Пестрядь (домотканная льняная ткань из разноцветных ниток)

светлее становится, и солнце на небе подолгу задерживается, в доме новые хлопоты — радостные! Теперь, наверно, так только елке в Новый год радуются. А тогда все совсем по-другому было. Вдруг конь — хоть деревянный, но своенравный — в избу въезжал, в самом светлом да просторном углу поселялся. Все уважение ему, весь почет. Только хозяйку слушался, только перед ней шею гнул, а их у него даже две — шей-то. Кроснами этого коня называют, а чтоб понятнее вам было — ткацким станом. Пришла пора холсты да узорочье ткать.

А разговоров в доме! Все женщины только о том говорят, когда пряжу сновать, как основу не перепутать, с чего начать: наверно, с простой холстины, а с тканями браными, узорча-

тыми подождать, когда еще светлее будет, чтоб не ошибиться, не обсчитаться... Пока время есть, старые узоры, те, что глянутся, дотошно порассматривать. Подсчитать, вспомнить, как делалось, да как бы и нынче не хуже повторить да что-то новенькое придумать. А маленькая-то мастерица под ногами вертится, все старается на глазах быть, ведь хочется, чтоб быстрее маменька челнок доверила. Вон он как меж нитями основы летает, гладкий, на ощупь приятный, а в нем берестяная цивца — катушка — с нитью утальной крутится быстро-быстро... А как потом весело бёрдом от всей души хлопнуть, на сколько сил маленьких хватит! Вот и первый рядок получился! Это уже потом будет девочка и в бральницах толк знать, и ремизок не по одной паре применять, а пока еще и до подножек не дотянуться.

Всему свой черед! Как и в природе. Ведь совсем скоро упадут солнечные лучи на оттаявшую землю, согреют ее, дождями весенними умоют, и снова взойдут посевы — новый лен про-

В. Стожаров. Лен. Фрагмент

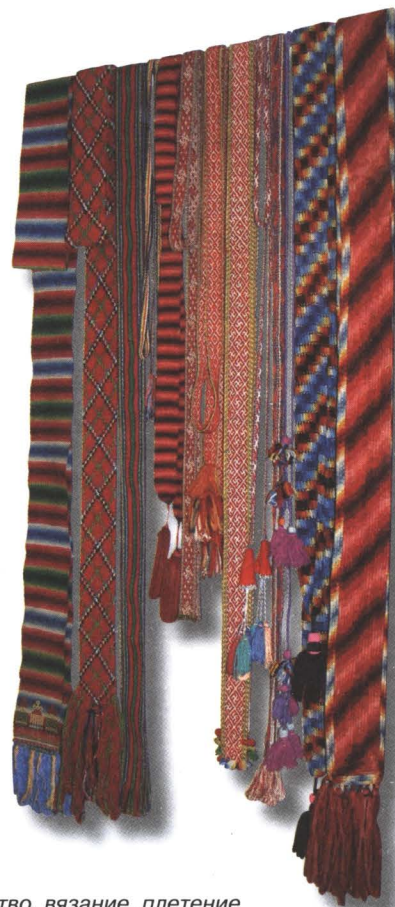

растет. А небесная лазурь брызгами по его цветам рассыплется! Оттого они и голубые, цветы эти — так бабушка сказывала.

...Растет девочка, совсем заневестилась. Вроде вчера детскую прялочку отец мастерил, а вон уж приданого полный сундук. Есть чем хвастаться! Тут тебе браные полотенца и скатерти, сарафаны и льняные рубашки — все любимых цветов, белое с красным, тут же яркое многоцветье плетеных поясов, тут и девичья повязка, бисером разукрашенная, тут и подвенечная корона! А клетчатой пестряди да полосатых половичков сколько наткано, сколько платочков вышито!

Все для себя делали, для родных да любимых. Век прошел, но не потускнели краски, не осыпался позумент... И стали эти девичьи сокровища, эти тятенькины пресницы — не только семейными реликвиями, но и экспонатами музеев, гордостью России и ее достоянием. Есть такой музей, посвященный народному искусству, и в Великом Устюге. Одних прялок

С. Куликов. *Убор невесты*

Пояса.

Ручное ткачество, вязание, плетение

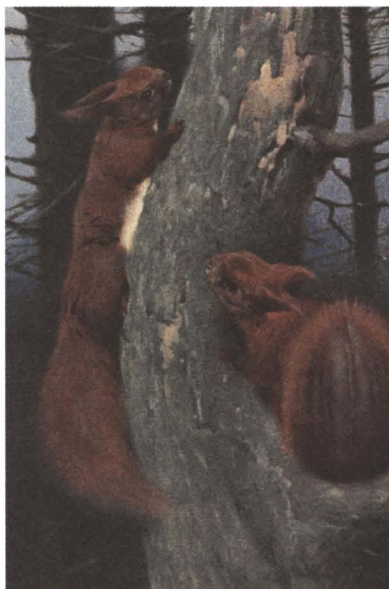
здесь сколько — устюжских и сольвычегодских, кичменгско-городецких и верхнетоемских! Велик когда-то был Устюжский край, да еще и совсем недавно — в 20-х годах прошлого века — был Великий Устюг центром Северо-Двинской губернии. Поэтому и экспонаты здесь не только из вологодских деревень, но и из деревень архангельских — со всего Подвинья — собраны.

Посмотришь на все это рукоделье, считавшееся нашими предками обыденным, и приходят на ум слова, удивившие в ноябре 1914 года читателей американского журнала «Национальная география»: «На полях России можно увидеть женщин в таких платьях, которым могли бы позавидовать многие светские дамы Америки»!

ЕЛОВЫЙ САД МОРОЗОВЫХ УГОДИЙ

Появилось однажды в старину глубокую на нашей земле вологодской деревце. Было оно настолько юное, маленькое да беззащитное, что вряд ли кто и заметил бы, а вот Дедушка Мороз углядел. Об ту пору он как раз в здешних местах, родных для него, жил и в странствия дальние еще не пускался. Да и куда торопиться, когда кругом красота несказанная края северного — леса да луга, реки да пажити, — не все еще и обошел! Нравилось Дедушке с посохом по угодыям своим бродить. Видно, слово *угодыя* не зря придумано — ведь что глаз радует, то и душе угодно, и всегда в радость...

Вот и высмотрел как-то Дедушка в тенистой чащобе лесной — а день был летний, знойный — эту красавицу пушистую, тут же и имя ей дал — *елочка*. Было что-то сказочное, дивное в ее зеленом кружеве игольчатом, в аромате смолистом — то, что о зиме враз

напомнило, о сугробах снежных, о ночах звездных. Ох и захотелось же волшебнику целый сад таких дерев развести да большими-пребольшими их вырастить. Так и представил — будут верхушками в самое небо упираяться, иголками облака щекотать до счастливых слез — до грибных дождичков. А ночами лунными, как ветерок дунет, звезды за ветви еловые зацепятся и почнут раскачиваться да хороводы водить! Вот и праздник!

Так он с этой мыслью-мечтой и не расставался, а деревцо-то росло, стройное да ладное, в иголочках да в шишечках. А в шишечках — семена. Белки скачут, шишки шелушат, семена по земле разбрасывают. Заприметил это Дед Мороз да и завел как-то с попрыгуньями лесными разговор серьезный:

— Эй вы, подружки милые — ушки кисточкой! Не последите ли за садиком сим, за юными елочками? В няньки-пестуньи не отрядитесь ли?

Белки — торопыги неутомонные — по стволу еловому вверх-вниз носятся, по сторонам озираются, из-под ветвей хвойных черными глазками-пуговками поблескивают:

— Где же садик-то?

— Да вон, как раз под вами, где семян еловых накрошено. Из них ведь елочки проклюнутся.

К. Мирошник
Январский мороз

А кому ж, как не вам, зелень эту юную колючую возвращать? У елочек будут шишечки — и вы без завтрака не останетесь, а люди — без радости, душе угодной.

Вот такой разговор у них приключился, медведи — и те слышали. Только уж с той поры много лет прошло — не одно, говорят, столетие. За те годы и Дедушка Мороз много где странствовал, и к тому же долго на земле великоустюжской не объявлялся. А белки-то, оказывается, да и прочие звери лесные блюли его наказ неукоснительно.

А когда возвратился седовласый скиталец в края родные, в свою отчину, вот же в радость ему было снова, как встарь, по лугам да пажитям, по лесам-перелесочкам пройтись — по угодьям своим прогуляться. На угор вздымался — посохом опирался. Где посохом дотронется — там иней, где на воду дунет — там лед. Красота какая окрест — любо-дорого! Душа-то по родному истосковалась. Забрел он и в чащобу самую, да тут и поразился. Не всегда чаешь исполнение мечты увидеть, но ведь как хочется!

В чащобе-то красавицы зеленые под самое небо вымахали, даже некоторые в него упираются, иголками облака щекочут, отчего на землю, правда, не грибные дождички брызжут, а снежинки пушистые летят да пританцовывают... Белки же все еще тут, как встарь, по стволам могучим вверх-вниз снуют, шишки шелушат, семенами снежок припорошивают.

Надо же! Улыбнулся довольный Дед, посохом по елке посту-

чал, белок на беседу созвал:

— Ну что, пестуны мои еловые, как озимые сеются?

Насторожились белки — не сразу и поняли, что за гость пожаловал. Только зайка-беляк не растерялся, из-под елки выскочил, за всех отчитался:

— Яровые хорошо взошли — зеленые, колючие, — озимые не хуже будут! — догадливее ушастый оказался, и на ответ скорее.

Тут и белки, наконец, опомнились, отчет заячий дополнили:

— Он у нас за нижний ярус отвечает, а мы сверху следим.

А еще посетовали:

— Только ночами лунными, чуть ветерок дунет, звезды за ветви еловые как зацепятся да как почнут раскачиваться! Ни управы на них, ни угомона!

— И хороводы водят?

— А как же!

За душу слова такие Дедушку Мороза взяли, не отпустят никак. Ходит он меж деревьев-великанов, на красу их дивится, трудами лесных жителей восхищается. Надо же, в земле-то, нашей матушке, какая сила таится! От столь хрупкого деревца такие испо-

лины уродились: не каждая птица до вершины долетит, не каждый мишка у комля обхватит!

А белки-то рядышком по ветвям по еловым прыгают да на иные деревья с опаской поглядывают:

— Вдруг какая-нибудь небо проткнет! — жалуются.

— Вон та, например! Смотри-ка, Дедушко, какая вымахала!

Задумался Мороз. Да, действительно, хороша ель, статна, раскрасавица, а высока-то как! Того гляди, небесный свод насквозь верхушкой проткнет и с другой стороны выйдет, а что там — никому неизвестно, вдруг страсть какая!

— Куда ж девать-то ее? Что ль просто спиливать? — из-под нижней лапы еловой зайка выглянул, посмотрел наверх с жалостью. — Вот что я думаю, — помолчал, для важности лапой за ухом почесал, добавил: — Такой великой красавице и площадь великая нужна. Такая, чтоб небо над ней выше было!

— А звезды еще ярче... — согласился Дед Мороз с зайкой. — Хоть и хороши у меня уголья, да, видать, такое дерево не по ним вымахало — по другой мерке скроено, под другой потолок небесный рассчитано.

— Где ж такое место сыщется? — белки шишки пороняли, совсем расстроились. — Жалко ведь, пропадет краса северная!

— Много я по миру странствовал, знаю площадь одну дивную. Небеса над ней высоко отодвинуты, — успокоил Дед. — А еще на них огни праздничные, разноцветные так и вспыхивают, отчего звезды яркие на землю дождем сыплются! Пожалуй, нашу красавицу нынче — в пору предновогоднюю — надо посереде той площади — людной да торжественной — поставить!

Загомонили белки, заяц заподдакивал:

— А звезды, а звезды, как ветерок дунет, за ветви еловые зацепятся и почнут раскачиваться да хороводы водить! Может, кому и понравится?!

Ударил Дед Мороз оземь посохом, так что искры льдистые во все стороны брызнули, по хвое снежинками рассыпались:

— Будет она народ радовать, детишкам Сказку мою дарить, каждой своей иголкой аромат хвои источать, зимы да снега свежего, лесов моих дремучих вотчинных — угольев моих! Ну что, звери лесные, а не сопроводить ли вам красавицу эту в сам стольный град Москву, в Кремль, чтобы вся детвора российская ей любоваться могла и праздник почувствовать?! А, как думаете? — а еще добавил, чуть прищурившись: — Глядишь, и небо не проткнет!

П. Радимов. Елка

Настающие звезды

Б. Неменский. *Девочка в венке*

Жила-была в Устюге Великом девочка. Мама ее Милавушкой называла. А остальные больше дразнились. А все потому, что верила Милавушка: на земле устюжской Сказка живет, — а особенно в то верила, что Дед Мороз на свете есть. Но только ей еще ни разу не показывался, а лишь тихонечко, когда и не видела, подарки приносил, и все, наверно, потому, что некогда ему со всеми девочками да мальчиками подолгу разговаривать, — так Милавушка рассуждала. Но все равно с каким нетерпением ждала она каждый раз наступления новогодних праздников! Вот, дума-

ла, сейчас, как раз сейчас, уж в этот раз точно, Дедушка Мороз и ей покажется, когда из стран далеких придет, и даже поговорить они успеют о том, о сем. Сначала вслух говорила, а потом уж, когда очень дразниться начали, в себе мечту затаила и никому больше о том не сказывала.

Как она, в день первый года наступившего Дедушкин подарок обнаружив, печалилась, когда все вокруг радовались, — словами не передать! Да разве хорошо это: получила подарок, а спасибо сказать некому? — расстраивалась. А братишки с сестренками, даже с самыми маленькими, только над ней подтрунивали. Торопливо подарки разворачивали и того не ведали, что были среди них и Милавушкиными ручками сделанные — заботливо да с теплотой сердечной. Над сладостями облизываясь да игрушкам новым умиляясь, рассуждали дети резонно:

— Что еще, кроме подарка, надобно? Разговоры разговаривать, что ли? Что толку-то в них? Дед-то Мороз все

Б. Ольшанский. *Морозко*

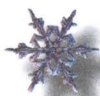
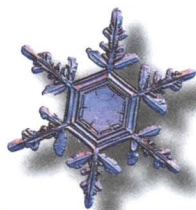
равно ненастоящий! — заявляли без тени сомнения и без угрызения совести.

А когда видели, что Милавушка совсем пригорюнилась, только раздражались, как бы не поколотили:

— Какой Дед Мороз? Что ты — маленькая?! Дите совсем неразумно глупое?!

Наворачивались у Милавушки на глаза слезы, блестели серебряными искорками, смахивала она их да ресничками хлопала часто-часто, чтоб не заметили, что плачет. Спорить — больше не спорила, а сама верила, да еще как! Чем выше росла, тем уверенности больше становилось — есть Сказка, есть, как будто чем выше становишься, тем виднее что-то важное делается. А может, не всем, а только некоторым...

Вот так однажды, плача, вышла Милавушка январским вечером из дому — снежок в проулке размести, морозным воздухом подышать да одной побыть, успокоиться потихонечку, обиды позабыть, слезы высушить. С утра метель завивалась, а к вечеру похолодало да вызвездило. Луна

в ореоле морозно-праздничном из-за крыш, целыми сугробами снежными накрытых, на свою прогулку ночную вышла, на девочку испытующе поглядывает.

Стояла Милавушка, задумавшись, в небо звездное глядячи. Да вдруг видит: звездочка яркая падает и не за горизонт, а все ближе к ней, ближе так с неба и катится. Вот уже совсем над городом, вот над соседним домом, а вот... и вроде бы где-то здесь — среди сугробов белых — затерялась, как в перину в них окунувшись, а они такие большие, что сквозь них и свет яркий звездочкин не вдруг разглядишь, а может, она и потухла разом. Кажется, когда звезды с неба падают, желания загадывать надо, а Милавушка, засмотревшись, залюбовавшись, ни о чем и подумать не успела, только найти бы звездочку эту! Но и тут вздохнула тяжело: разве среди сугробов таких, среди теней вечерних звездочка небесная отыщется?

Уж в который раз за день Милавушке обидно стало — что ж это за невезучесть такая, неудачливость? Из-за каждого пустяка плакать не

годится, конечно, но когда все одно к одному — где ж удержишься! Хотела девочка глаза варежкой утереть, глянула, а на рукавике снежинка лежит-серебрится, большая-пребольшая, узора дивного, затейливого. Сняла Милавушка с другой руки варежку и, сама не зная зачем, переложила снежинку осторожно в свою теплую

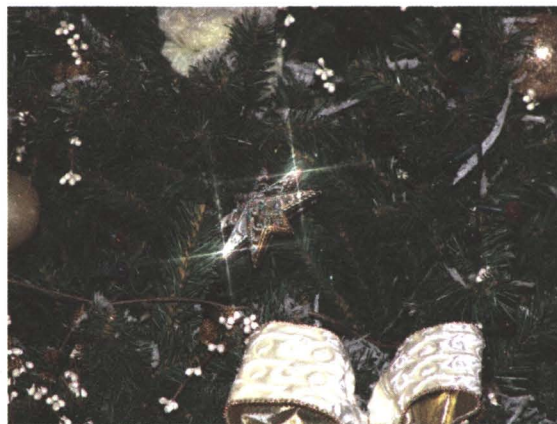
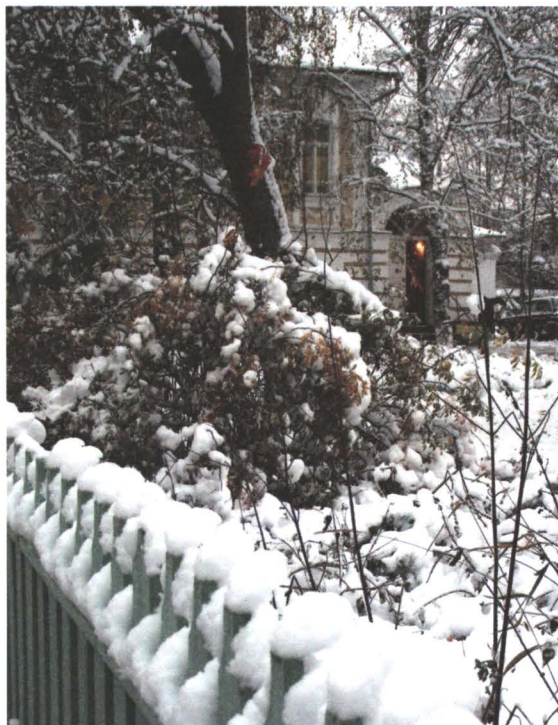
В. Секрет. Деревня звезд

ладошку. Холодит снежинка кожу, серебрится, сверкает вся, а таять и не думает. Подняла девочка свой изумленный взгляд к небу звездному: «Уж не звездочка ли это та самая, пропащая?» И показалось ей, что созвездия небесные улыбаются, на Млечном Пути хороводы водят, и как будто музыка какая-то звучит дальняя-предальная, на холодный звон хрустального колокольчика похожая, а Полярная — из всех звезд серьезная самая — то ли мерцает, то ли хитро подмигивает...

Никому Милавушка звездочку свою серебряную не показала, спрятала и только иногда ею любовалась, особенно под Новый год, чтоб не очень печалиться. Хотелось ей свою звездочку на елочку праздничную повесить, но не решалась: вдруг кто другой в руки возьмет, а она в чужих-то руках и растает?

Зима пришла

...Годы незаметно прошли. Выросла Милавушка, уму-разуму набралась, мастерству разному обучилась, особенно рукодельничать у нее хорошо получалось. Уже поговаривать начали, что рученьки у девушки золотые: какую красоту плетет да вяжет, а серебряной нитью как вышивает — прямо сказка! А как такое искусство постичь? Для другого, бесталанного — хоть всю жизнь учись — так тайной неразгаданной и останется. Стала Милавушка взрослой совсем, а Сказка как была с ней, так и осталась. Относилась она к Сказке бережно да трепетно, знала, даже уверена была — суждено им встретиться!

А тут вдруг — может, это для кого-то и чудом было, а для нее просто мечты свершением — оказалось, что Дед Мороз в Вотчину, в город свой родной, в Устюг Великий возвратился. Немногие верили, что чародей такой на самом деле есть, а уж что и земляк к тому же, никто и не догадывался досель, потому как все — даже самые-самые долгожители — уж давно о том забывали, что когда-то ушел волшебник морозный из мест родных в путешествие дальнее, а что уж там на пути доспелось, от чего задержался, совсем не ведали. А теперь даже те, кто в детстве Милавушку дразнил да посмеивался — чудная, мол, — даже и они

вдруг в существование Дедово поверили, да и мудрено не поверить-то! Даже дружбу с ним водить захотели, почему и стали его в гости к себе зазывать, но только все без толку.

Еще немного времени минуло, глядь, а в Вотчине уж и терем земляку-чародею отстроен, где он жить стал да желанных гостей принимать, как всегда на Руси велось — радушно да хлебосольно. Хотелось и Милавушке на Мороза хоть одним глазком взглянуть, хоть одним ушком его послушать, пусть одним пальчиком до него дотронуться, хотя бы мизинчиком, да не решалась все, стеснялась. «Да ведь, — рассуждала, — не мне одной с ним пообщаться хочется. Нас-то много, а он-то один. А дел-то у него — не с наше горе. Лучше бы помочь чем. Да какая от меня помощь-подмога? По части мудрости я еще слишком молода, и оттого же советы давать — еще не советчица».

Зима в Устюге. Набережная

Другие пошустрее Милавушки были, давай Деду Морозу в помощники набиваться, талантами своими хвастать да способностями почти сказочными. А Дед-то Мороз не так прост! Вдруг Указ издает да гонцов рассылает по всему городу его зачитывать. Мол, возьмет себе в помощники за Домом следить, порядок блюсти, детишек в гости принимать, хороводы с ними водить да игры занимательные устраивать — возьмет устюжаночек, да не простых, а тех, в ладошках которых снежинки не тают, а серебряными звездочками горят.

Выискался народец ушлый, а может, пришлый: решили некоторые, что Мороз жалованье большое положит, будет на что щи жирные хлебать да еще и с пряником, и давай они придумывать, из чего бы такого нетающие снежинки слепить-створить, такие, чтоб горели звездами и не обжи-

гали. Но не тут-то было — Дед Мороз таким только от ворот поворот давал и серчал очень. Как иногда и угадывал, что подделка? Ведь уж до такой изощренности, до такой хитрой тонкости в деле этом дошли!

Уж которой по счету Милавушка, наконец-то насмелившись, в Морозов Терем пришла — неведомо. Разжала Милавушка ладошку, показала Дедушке звездочку свою, то на него восторженно взглядывая, то на снежинку блистающую. А старик белобородый так растрогался, что показалось ей — вроде даже слезинка по щеке его пробежала да в усах густых запуталась-спряталась. Взял Дедушка Мороз девушку за руку, за ту самую, в которой снежинки не тают, и повел герб свой показывать. Тут и Милавушка изумилась: а снежинка-то на гербе — точь-в-точь ее звездочка!

— Это, — растолковывал Дед Мороз, — мой подарок тебе был, главный самый, да чтобы и мне ведать, когда домой вернусь, — вдруг бы не признал, когда вырастешь, — где ту девочку искать, которая всегда верила, что не придуманный я, а самый что ни на есть настоящий да подлинный!

Тут подмигнул еще Дед:

— Думаю я, однако, не одна ты у меня в помощницах будешь. Ты вот не знаешь, а я ведаю, сколько юных устюжанок в Сказку мою так преданно, так незабвенно верили! Посмотрим, когда пожалуют! Теперь-то в моем существовании, пожалуй, ни у кого сомнений нет, а у вас-то и раньше их не имелось. А если в минуточку трудную своей мечте да Сказке моей верны были, значит, и потом старика не покинете, Дом его без призора не оставите! — так волшебник

Конец полотенца.
Вышивка.
Начало XIX века

мудрый все объяснял резонно да рассудительно.

И вправду, день-другой прошел, а на елочке в Тронном зале — на Морозовой зеленой красавице — уже семь звездочек серебристых, точь-в-точь как на гербе, блистали и радостно в такт песенкам праздничным покачивались. Поселились в Тереме Морозовом с тех пор семь девиц красных — устюжаночек, в ладошках которых снежинки не тают, а серебряными звездочками горят. Те девицы-красавицы ни минуточки с самого детства своего не сомневались, что есть Сказка на свете белом, и в ней Дед Мороз живет, и лишь иногда в странствия пускается. А в Доме с тех пор мир да лад, убранство терема дивное с годами только краше становится, караван, только что испеченные, которыми гостей встречают, — все вкусней да душистее...

Мастерица в Доме Деда Мороза

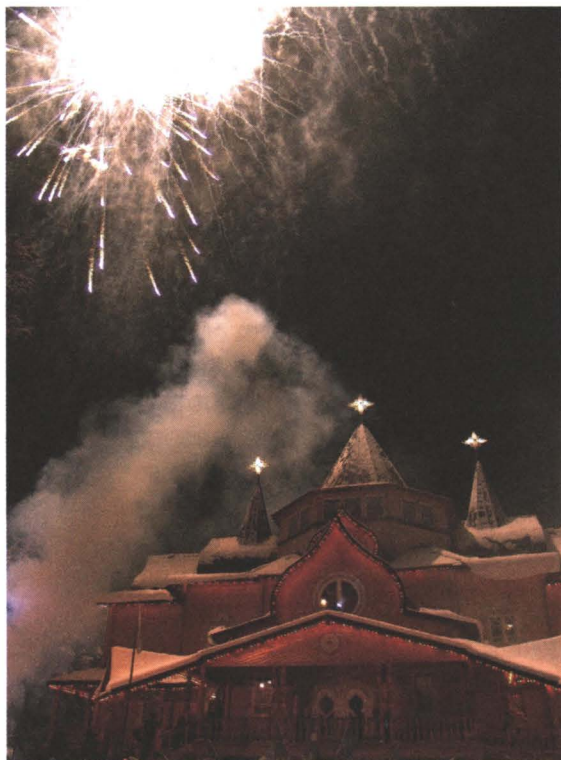
С Новым годом, с новой Сказкой!

Отшумит 18 ноября праздник в честь дня рождения Деда Мороза, и этим же вечером широко раскроются ворота Вотчины, и отправится волшебник в свое самое главное путешествие — в путешествие навстречу Новому году. Вот уже пронеслась его птица-тройка, вот и вы восторженно машете ей вслед. Все вы правильно чувствуете. Ведь это распахнулись ворота Севера, ворота для российской зимней Сказки! Отправляется она вместе с вьюжными ветрами, с таинственно мерцающими звездами в свое долгожданное путешествие по российским городам и селам, которые постепенно оденутся в посеребренное снегами, расцвеченное яркими огнями праздничное убранство.

Почему день рождения у Деда Мороза 18 ноября? Откроем секрет: это юные устюжане, любознательные и смекалистые, предложили праздновать Морозов день рождения в предзимнюю пору, в середине ноября. А взрослые как словом, так и делом на детскую мечту откликнулись. Ведь и правда, Дед-то Мороз всегда детей

своими подарками радует, а часто и так бывает, что не только на Новый год, а и на дни рождения. А его самого когда же поздравить можно?

Долго ребята истину искали, много книг умных перечитали, старож-

Новогодняя ночь

лов выпрашивали, но никто им ничего сказать не мог. Дедушка-то Мороз в такие времена стародавние родился, в такие незапамятные, что и в книгах о том писать еще некому было, а предания изустные не дошли до нас, затерялись. Вот тут все и задумались, лишь о том зная, что 1 января — день рождения Нового года, 1 декабря — Зимы-матушки. А ведь про ноябрь русские люди издавна говорили: «Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын, зиме — родной батюшка». «Когда в наших краях зима не по календарю, а взаправду начинается, тогда и у Деда Мороза день рождения», — так ребята рассудили, а взрослые им поверили.

И с тех пор каждый год живет в ноябре Вотчина радостным пред-

вкушением необыкновенного праздника. Забот у друзей Морозовых в эти дни как никогда много, ведь такие гости жалуют! Зимние волшебники из дальних краев с поздравлениями прибыть за особую честь считают. А детей сколько на Дедушкин день рождения спешит — отдельный поезд для них выделять приходится! А еще ведь и к новогоднему путешествию готовиться надо — коней запрягать, мешок Морозов подарками наполнять: не забыть книжку для Ванечки с острова Сахалина, про подарок Машеньке из Санкт-Петербурга! И вот опять мчится птица-тройка над бескрайними зимними просторами под звездными небесами родной страны...

А потом пройдет совсем немного времени, и вернется 31 декабря волшебник в Вотчину.

Ровно в полночь под бой курантов выйдет российский Дед Мороз на крыльцо своего узорчатого терема, лично поздравит всех гостей и помощников с наступлением Нового года, с грядущими днями новой Сказки! А вокруг яркие всплески фейерверков, сказочное мерцание факелов в руках всех двенадцати месяцев, кружение Зимы в снежном вихре.

И невозможно удержаться от радостных слов, которые звучат без конца в эту самую праздничную ночь года под звездным небом Вотчины:

С Новым годом!

С новой Сказкой!

На День рождения Деда Мороза приехали в гости хранитель холода Чисхаан из Якутии, Снегурочка из Костромы, юный морозец Паккайне из Карелии

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕТ ДОРОГА В СКАЗКУ	2
ВЕЛИКИЙ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД	4
Как города становятся героями	4
Два брата	5
Раздвигая границы	7
СИВЕРКО	9
СВЯТОЙ ЗАСТУПНИК	16
«ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ»	20
Ледоход на Сухоне	20
Зов крови	21
Корабль великих мореходов	22
Цена открытия	23
ГОРОД ОЖИВШЕЙ СКАЗКИ	24
СКАЗ О ДОМЕ	26
ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ	32
ДЕВИЧЬИ СОКРОВИЩА	35
ЕЛОВЫЙ САД МОРОЗОВЫХ УГОДИЙ	38
НЕТАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ	41
С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВОЙ СКАЗКОЙ!	46

Любовь Данилова
Великий Устюг. Родина Деда Мороза

*Методическое пособие для взрослых
Для чтения взрослыми детям*

**Великий Устюг — город, прославленный богатой историей и народными ремеслами, город, где находится
Вотчина Деда Мороза. Читателей книги ждет путешествие в мир русской старины и ожившей сказки.**

Редактор О. Ерёмкина
Корректор: О. Ситникова
Компьютерная верстка: А. Карандашова

ISBN 978-5-7793-1745-0

ООО «Печатная слобода»
111394, Москва, ул. Полимерная, д. 8, офисы 306, 310
Тел. (495) 514-01-35
E-mail: mail@vsdn.ru

Редакция «Воскресный день»
Посетите наш интернет-магазин «Воскресный день»
на сайте www.vsdn.ru
Тел. (495) 641-31-00

Там же работают виртуальный музей и семейный клуб

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 47, корп. 11, этаж 5
Тел.: (499) 290-39-11, 290-39-12

111394, Москва, ул. Полимерная, д. 8, офис 207
Тел. (495) 302-54-13

192029, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 105
Тел.: (812) 365-41-39, 607-54-43

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
E-mail: idelpress@mail.ru

Тираж 5000 экз. Заказ А-2027.

На обложке:

Соборное дворище. Фото Л. Даниловой

На титуле:

Дед Мороз приветствует гостей. Фото Л. Даниловой

© «Печатная слобода», издание, 2014
© Составление, иллюстрации, макет,
оформление. «Воскресный день»
© «Белый город», 2014

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

серию «История России» — единственную серию книг для детей, наиболее полно раскрывающую перед юными читателями уникальный мир русской истории. Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали эти книги популярными.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 150 книг.

Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

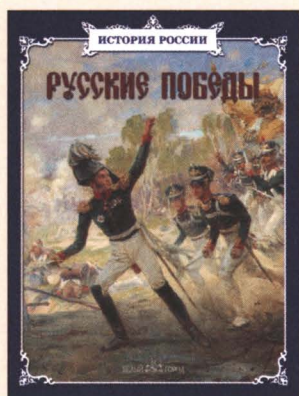
Для того чтобы легче было ориентироваться в книгах серии, мы условно разбили их на темы. Для читателя не составит труда собрать свою коллекцию по интересующей его теме.

Некоторые книги могут быть представлены в двух темах.

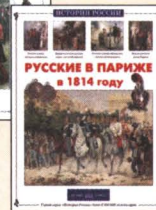
Вышли в свет тематические сборники «Герои русской истории», «Древняя Русь», «Москва. Иллюстрированная энциклопедия», «Российские императоры», «Русский быт», «Русские победы», «Русские цари». Мы благодарим всех наших читателей за поддержку и желаем вам приятного чтения.

Знаком отмечены книги, которые вошли в сборник.

Русские победы

Немало испытаний вынесли русские люди от чужеземных завоевателей. Летопись русской истории наполнена многими славными победами. Военная история России, ее героическое прошлое — тема сборника «Русские победы».

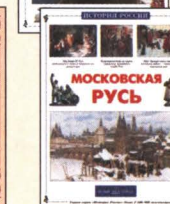
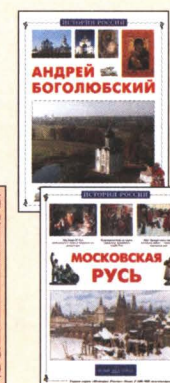
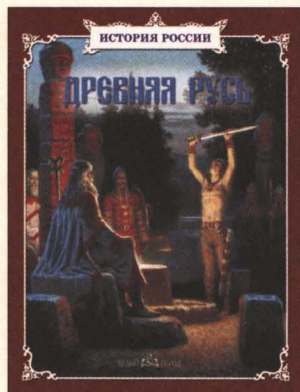

История XX века

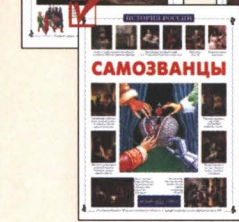
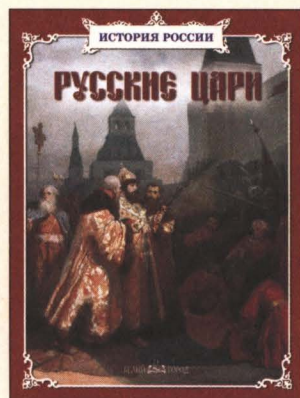

Двадцатый век стал самым сложным в истории нашей страны. В чем смысл уроков, которые преподнес непредсказуемый век жителям России? Об этом размышляют все, кому небезразлично будущее великого государства.

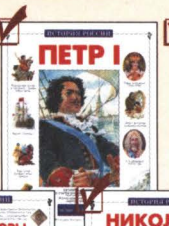
Древняя Русь

Цари и императоры

Может ли один человек изменить ход истории? Какова роль личности в развитии государства? Победы и поражения, взлеты и падения, случавшиеся в истории России, авторы пытались проанализировать на примере судеб русских царей, стоявших во главе великой страны. Именно они принимали решения, влиявшие на судьбы многомиллионного народа.

Герои русской истории

Записки путешественника

Эта серия позволит читателям совершить увлекательное путешествие по нашей необъятной стране.

Москвоведение

Москва — особенный город. Сама История прошла по улицам древней столицы, оставив на них свои следы.

Православная культура

Русский быт

Русская словесность

Изобразительное искусство

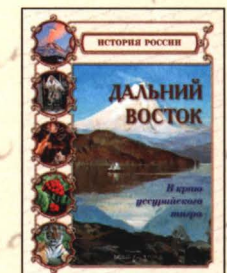
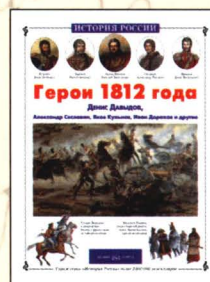
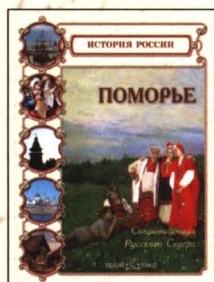
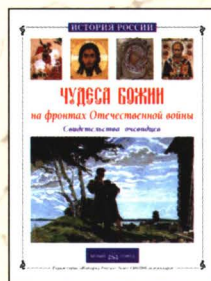
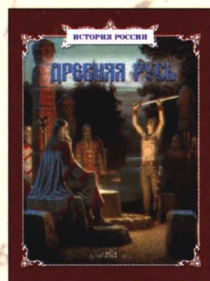
Талант великих русских художников вырос из народной культуры, которая вобрала в себя события истории и чаяния народа. Эта серия еще ждет своего продолжения.

Серия «История России» — единственная серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем уникальный мир русской истории. Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали ее популярной.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 100 книг.

Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

Книги, вышедшие в 2008 году

ISBN 978-5-7793-1745-0

9 785779 317450

ИСТОРИЯ РОССИИ

РОДИНА ДЕДА МОРОЗА

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

Родина Деда Мороза

БЕЛЫЙ

ГОРОД